

Сказки Лунной Долины

RemVoVo

RemVoVo

Сказки Лунной Долины

«Автор»

2026

RemVoVo

Сказки Лунной Долины / RemVoVo — «Автор», 2026

«Сказки Лунной Долины» — это 35 уютных историй для чтения перед сном. Вместе с Зайчонком Ушастиком, Ежиком Колючкой, Бельчонком Рыжиком, Лисёнком Огоньком и другими героями малыши научатся не бояться темноты, прощать обиды, делиться и говорить волшебные слова. Каждая глава — отдельная сказка с добрым финалом, которая мягко убаюкивает и помогает ребёнку заснуть с чувством безопасности. Мудрая Совушка Соня провожает маленьких читателей в страну сладких снов, где даже страхи превращаются в улыбки. Книга учит любви, дружбе и заботе — всему, что делает детство тёплым и счастливым.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как Зайчонок Ушастик научился не бояться темноты	5
Глава 2. Секрет Ежика Колючки	10
Глава 3. Сказка о потерянном облачке	16
Глава 4. Хрустальный дождик	21
Глава 5. Как подружились Луна и Солнце	26
Глава 6. Пряничный человечек и Ворчливый Крот	32
Глава 7. Самая лучшая кровать	38
Глава 8. Волшебное слово Ежа	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сказки Лунной Долины

Глава 1. Как Зайчонок Ушастик научился не бояться темноты

В Лунной Долине, где трава была мягче пуха, а речка журчала слаще любой колыбельной, на самой опушке стоял уютный домик Зайчихи. И жил в этом домике маленький Зайчонок по имени Ушастик.

Ушастик был зайчонок замечательным во всех отношениях. Он умел грызть морковку быстрее всех в округе, он знал три разные игры в пятнашки и даже мог проскакать на одной лапке целых два круга вокруг ёлки. Но был у Ушастика один секрет, который он тщательно прятал ото всех, даже от мамы.

Ушастик боялся темноты.

Не просто боялся, а **БОЯЛСЯ**. С большой буквы, с восклицательным знаком и с дрожью в коленках. Как только солнце начинало прятать свои лучи за горизонт, а комната наполнялась синими сумерками, сердце Ушастика пускалось в такой галоп, будто за ним гналась целая стая голодных волков. Ему казалось, что в каждом углу, под каждой кроваткой и за каждой шторой прячется что-то страшное.

— Ну, Ушастик, — говорила мама Зайчиха, поправляя ему одеялко, — пора закрывать глаза. Завтра мы пойдём собирать землянику на Полянке Росистых Трав.

— Мам, — пищал Ушастик, пряча нос под одеяло так, что наружу торчали только его длинные-предлинные уши, — а можно я посплю с ночником? Ну, пожалуйста!

— Конечно, мой хороший, — вздыхала мама и зажигала маленькую лампочку в форме морковки. — Спи сладко.

Но даже морковный ночник не спасал. Свет от него был такой слабенький, что тени в комнате становились ещё длиннее и страшнее. Вот тень от чашки превращалась в горбатого монстра. Вот тень от стула — в великана с кривыми зубами. А тень от маминых вязальных спиц и вовсе походила на паука с двадцатью ногами.

Ушастик лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху.

Тик-так, тик-так — стучали часы на стене.

Шурх-шурх — шевелились листья за окном.

Скрип-скрип — жаловалась старая половица под кроватью.

И каждый звук казался Зайчонок подозрительным. «А вдруг это кто-то крадётся? А вдруг это чудище из-под кровати решило меня съесть? А вдруг это...» — мысли в его голове скакали быстрее, чем он сам скакал по лужайке.

В конце концов Ушастик не выдержал. Собрав всю свою заячью храбрость в маленький комочек (который, надо сказать, был размером с горошину), он выскользнул из-под одеяла, на цыпочках прошлёпал через комнату и выскочил за дверь.

Ночь в Лунной Долине была не просто тёмной. Она была бархатной, мягкой и пахла мятой и звёздной пылью. Но Ушастик этого не замечал. Он нёсся по тропинке, сам не зная куда, только бы подальше от этих страшных теней и подозрительных скрипов.

Он бежал и бежал, пока не выбился из сил. Запахавшись, Зайчонок остановился прямо посреди Травяного Перекрёстка, где сходились три лесные тропы. И тут он услышал голос.

— Кто здесь так громко топает в такое позднее время? — спросил кто-то мягко, но с укоризной.

Ушастик подскочил на месте и чуть не кувыркнулся от испуга. Оглянувшись, он увидел на сухой ветке старого дуба небольшую птицу с огромными круглыми глазами. Это была Совушка Соня — главная хранительница ночного спокойствия в Лунной Долине.

— Ой! — пискнул Ушастик. — Вы кто?

— Я-то Соня, — ласково ответила сова, перебирая лапками и спускаясь чуть ниже. — А вот ты кто такой шустрый и почему не спишь? В такое время все маленькие зайчата уже видят десятые сны про сахарные горы и молочные реки.

Ушастик шмыгнул носом.

— Я боюсь, — честно признался он. — Там, в комнате, темно. А в темноте живут... ну... разные страшно́сти. Они шуршат и скрипят, и я не могу уснуть.

Совушка Соня склонила голову набок. Её огромные глаза, похожие на две круглые жёлтые луны, забавно блеснули.

— Ах вот оно что, — протянула она. — Ты боишься теней и шорохов. Это дело поправимое. Хочешь, я покажу тебе один секрет?

Ушастик кивнул так сильно, что его уши хлопнули друг друга.

— Идём за мной, — сказала Соня и бесшумно вспорхнула с ветки. — Только тихо-тихо, как мышки. Мы на охоту... за страхами!

Охоту за страхами Ушастик себе представлял совсем иначе. Он думал, что они возьмут сети, сачки и будут ловить пучеглазых монстров. Но всё оказалось гораздо проще и интереснее.

Совушка Соня привела его обратно к домику, но не внутрь, а к самому окну. Комната Ушастика была залита бледным серебряным светом, а на стене плясали всё те же страшные тени.

— Смотри внимательно, — прошептала Соня, ткнув крылом в стекло. — Что ты видишь?

— Вон там, в углу, — прошептал в ответ Ушастик, — сидит горбатый волк. У него длинная шея и кривой нос.

— А теперь посмотри ещё раз, — сказала Соня и пошевелила веткой рядом с окном. Тень на стене качнулась, изогнулась... и вдруг стала похожа на... большую смешную тыкву!

— Ой! — удивился Зайчонок. — Это же не волк! Это... моя чашка!

— Именно, — довольно заухала Сова. — Тени не умеют быть злыми. Они просто повторяют то, что видят. Это как маленькие фокусники. Ну-ка, покажи мне свои уши.

Ушастик поднял одно ухо. На стене появилась длинная тень, похожая на копьё. Он повернул голову — тень стала круглой, как блинчик.

— Так это же я! — рассмеялся Зайчонок. — Я такой смешной!

— Вот видишь, — сказала Совушка Соня. — В темноте живут не монстры. Там живут игры. Тени — это твои отражения. Они просто хотят, чтобы с ними поиграли. Поэтому они всё время шевелятся — им скучно!

Ушастик задумался. В его голове вдруг стало тесно от новых мыслей, потому что старые страхи начали потихоньку уступать им место.

— А как же шорохи? — не унимался Зайчонок. — Они же тоже страшные!

— Ах, шорохи, — загадочно произнесла Соня. — Ну, это отдельная история. Пойдём-ка, я тебя с ними познакомлю.

И Совушка бесшумно скользнула в приоткрытую форточку. Ушастик последовал за ней — на этот раз уже без всякого страха, а с большим любопытством.

Они снова оказались в его комнате. Ночник всё так же горел в углу, отбрасывая на стену золотистый круг. И тут Ушастик услышал знакомый звук: «Шурх-шурх».

— Слышишь? — прошептал он. — Оно здесь. Где-то рядом.

Совушка Соня наклонила голову к полу и прошептала:

— Эй, Шурш! Выходи, не пугай малыша. Это я, Соня.

И — о чудо! — из-под кровати выкатился маленький серебристый комочек. У него не было ни рук, ни ног, но зато были два смешных глаза-бусинки и рот, который всё время улыбался.

— А я и не пугаю! — тоненьким голоском ответил комочек. — Я просто катаюсь. Мне скучно, все спят!

— Это Шурш, — представила Сова. — Он не монстр. Он просто... ну, как бы это сказать... маленький ночной эхо-житель. Он любит, когда его гладят и с ним разговаривают. А если его не замечают, он начинает грустить и шуршать.

— И... и он не хочет меня съесть? — с надеждой спросил Ушастик.

— Фу, что ты! — возмутился Шурш. — Я ем только звездную пыль и утренний туман. От тебя, Зайчонок, один только пух!

И тут из-под маминого кресла донёлся ещё один звук: «Топ-топ-топ».

— А это мой брат, Топот, — добавил Шурш. — Он любит ходить по потолку вверх ногами. Это он скрипит половицами.

— Но зачем вы это делаете? — спросил Ушастик. — Зачем пугаете маленьких зайчат?

— Мы не пугаем! — обиделся появившийся Топот — ещё один серебристый комочек, только чуть более круглый. — Мы просто играем. Но нас никто не видит. Все думают, что мы страшные, и прячутся под одеяла. А нам так хочется дружить!

Ушастик почесал за ухом. Ему стало смешно. Он так боялся целых полгода, а оказалось, что под его кроватью живут два весёлых шуршика, которым просто грустно.

— А давайте, — предложил вдруг Зайчонок, — я буду с вами играть! Каждый вечер, перед сном. Мы будем придумывать тени на стене и разговаривать!

— Правда? — обрадовались Шурш и Топот. — Ты не будешь нас бояться?

— Ни капельки! — гордо сказал Ушастик.

И они устроили самый замечательный «Парад Теней», который когда-либо видел этот дом. Шурш катался по полу, отбрасывая тень, похожую на змею. Топот прыгал на кровати, создавая силуэт то огромного великана, то крошечного муравья. А Ушастик махал ушами и лапками, превращая свои тени то в бабочку, то в дракона, то в плывущее облако.

В комнате стоял такой смех, что мама Зайчиха, проснувшись от шума, приоткрыла дверь.

— Ушастик? Ты чего не спишь? — спросила она сонным голосом.

Но Ушастик уже лежал в кроватке, натянув одеяло до самого носа, и делал вид, что крепко-крепко спит. Шурш и Топот мгновенно притаились под кроватью, а Совушка Соня бесшумно выпорхнула в окно, оставив на подоконнике лёгкое белое пёрышко.

Когда мама закрыла дверь, Ушастик приоткрыл один глаз.

— Эй, Шурш, — прошептал он. — Ты здесь?

— Здесь-здесь, — донеслось из-под кровати. — Как ты?

— Знаешь, — сказал Зайчонок, — а мне совсем не страшно. Даже весело. Вы приходите ко мне завтра тоже?

— Конечно, — прошелестел Топот. — Мы всегда здесь. Просто мы невидимки. Но теперь, когда ты нас знаешь, мы всегда будем твоими друзьями.

Ушастик зевнул. Глаза его начали слипаться, а уши медленно опадать на подушку.

— А про что вы мне расскажете завтра? — спросил он, уже проваливаясь в тёплую, пушистую дремоту.

— Про то, как Луна крадёт сны у ветра, — прошептал Шурш. — Но это уже завтра. Спи, Ушастик.

И Зайчонок уснул. Впервые за долгое время он уснул без страха, без колотящегося сердца и без дрожи в лапках. Ему приснился чудесный сон, где он летал над Лунной Долиной верхом на огромной тени, а за ним гнались два смешных серебристых комочка, которые хотели просто поиграть в догонялки.

— Ну что? — спросила Совушка Соня, усевшись на ветку старого дуба и глядя в окно домика Зайчихи. — Теперь-то я вижу, что всё в порядке. Он спит.

Рядом с ней на ветке сидели Шурш и Топот. Они уже не казались просто комочками — в лунном свете были видны их смешные мордашки, усыпанные звёздной пылью.

— Он хороший, — сказал Шурш. — Смелый. Совсем не такой, как другие.

— Он просто не знал, — ответила Соня. — Страх живёт только там, где нет понимания. А как только зайчонок узнал своих ночных соседей, страх испарился, как утренняя роса.

— А что теперь будет? — спросил Топот.

— Теперь он будет спать спокойно, — ответила Соня. — И каждый вечер будет засыпать с улыбкой, потому что он знает: в темноте живут не чудовища. В темноте живут друзья, которые просто ждут, когда их заметят.

Сова взмахнула крыльями и тихо запела свою колыбельную. Это была негромкая, тягучая песня, в которой переплетались шёпот ветра и звон далёких звёзд.

— Спи, мой маленький герой,

Тени машут над тобой.

Не страшны нам тишина,

В ней уютно, как весна.

Шурш и Топот — не враги,

Это ночи мотыльки.

Закрывай скорее глаз,

Сон придёт в свой звёздный час.

Там, за шторкой у окна,

Ждёт тебя страна-волна.

Где кролики летают,

Где страхи засыпают.

Баю-бай, Ушастик мой,

Спи под этою луной.

Завтра будет новый день —

Гони прочь свою лень.

А пока — ложись, усни,

До утра, до теплоты.

Баю-бай...

Песня плыла над Лунной Долиной, проникая в каждое окошко, в каждую норку, в каждое гнездо. Она была мягкой, как мамины объятия, и тёплой, как свежее молоко.

Ушастик спал, и даже во сне он улыбался. Теперь он знал главный секрет: темнота — это не конец света, это начало приключений. Только надо уметь смотреть. И слушать. И не бояться задавать вопросы тем, кто шуршит в углу.

А на подоконнике, чуть заметно подрагивая в свете ночника, лежало белое пёрышко Совушки Сони. Напоминание о том, что любой страх можно победить, если подойти к нему с любопытством и добротой.

Мама Зайчиха, которая всё это время стояла за дверью и слышала каждое слово, улыбнулась и тихонько вытерла лапкой слезу.

— Вырос мой малыш, — прошептала она. — Совсем большой стал.

И она прилегла на свою мягкую подушку, зная, что теперь её Зайчонок будет спать спокойно каждую ночь.

А Шурш и Топот ещё долго сидели на подоконнике, глядя на спящего Ушастика. Они охраняли его сон и придумывали новые игры для завтрашнего вечера.

— А знаешь, — сказал Шурш Топоту, — я, кажется, начинаю любить этого зайчонка.

— Я тоже, — ответил Топот. — Он единственный, кто с нами заговорил.

— Тогда мы будем его лучшими ночными друзьями, — решил Шурш. — Навсегда.

И они, два маленьких серебристых комочка, тихонько покатались обратно под кровать, чтобы утром, когда Ушастик проснётся, его ждал сюрприз — новый рисунок теней на стене, который они наколдовали ночью.

Так закончилась эта история. Но только для того, чтобы начаться завтра — новая, с новыми секретами, новыми открытиями и новыми улыбками.

В Лунной Долине наступила самая тихая, самая сонная и самая тёплая ночь в году. Потому что один маленький зайчонок перестал бояться темноты. И теперь он мог наслаждаться её тайнами, её мягкостью и её уютом.

А что может быть лучше, чем засыпать с чувством, что ты в безопасности, что тебя любят и что даже тени на стене — это не враги, а просто весёлые фокусники, которые ждут, когда ты с ними поиграешь?

Сладких снов, Ушастик.

Сладких снов, Лунная Долина.

Сладких снов, маленький читатель.

Вопрос-размышление для малыша:

Как ты думаешь, что почувствовал Ушастик, когда узнал, что Шурш и Топот — это не страшные монстры, а просто весёлые друзья? А какие тени живут в твоей комнате? Может быть, они тоже просто хотят с тобой подружиться?

Глава 2. Секрет Ежика Колючки

В Лунной Долине, где даже самые колючие кусты цвели нежными цветами, а ручьи пели на все голоса, жил-был маленький Ёжик по имени Колючка. И надо сказать, что имя своё он оправдывал на все сто процентов. С головы до самых крошечных лапок он был покрыт острыми-преострыми иголками, которые торчали в разные стороны, как будто у него внутри сидел маленький хулиган и постоянно раздувал его изнутри.

Но Колючка был ёжиком хорошим. Добрым, честным и очень отзывчивым. Вот только беда была в том, что его колючки доставляли ему массу неудобств. И не столько ему самому, сколько всем остальным.

Стоило Колючке подойти к Зайчонку Ушастик, чтобы обняться, как Ушастик подпрыгивал на три метра вверх и приземлялся с криком: «Ой, Колючка, ты же кактус настоящий!» Стоило ему сесть рядом с Бельчонок Рыжиком на лавочку, как Рыжик вскакивал и начинал тереть свой пушистый хвост: «Колючка, твои иголки мою шубку испортят!» А когда он пытался поиграть в прятки с Лисёнком Огоньком, его обязательно находили по тому, как все кусты вокруг начинали печально скрипеть и ронять листья.

Колючка очень старался быть аккуратным. Он ходил на цыпочках, чтобы не задеть никого случайно. Он даже купил себе маленький листик лопуха, чтобы прикрываться им, как щитом, когда проходил мимо кого-нибудь. Но лопух быстро вял, а колючки оставались колючками.

Самое обидное было то, что все другие зверята были мягкими и пушистыми. Ушастик — мягкий, как облачко. Рыжик — пушистый, как одуванчик. Медвежонок Топтыжка — толстенький и тёплый, как печка. А Колючка был один — колючий, как ёршик для мытья бутылок.

И в один прекрасный, но очень грустный для Ежика день, он решил: «Всё! Больше я никуда не пойду. Буду сидеть дома, под кустом, и никого не трогать. И меня никто не тронет. И колючки мои никому не помешают».

Он набрал целую корзинку ягод (осторожно, чтобы не проколоть её), залез под самый большой куст малины и уселся там, как настоящий отшельник.

— Фу-фу-фу, — пыхтел он. — Никто меня не любит. Все меня боятся. Даже мама вчера, когда целовала меня на ночь, поцеловала меня в носик, потому что в щёчки не получалось — колючки мешали. И она вздохнула. Я слышал! Она вздохнула и сказала: «Ах, Колючка-Колючка, что же мне с тобой делать?»

Под кустом было сыровато и немного пахло старой листвой. Колючка съел одну ягодку, потом вторую, потом третью, а потом ему стало совсем грустно. Он даже не заметил, как по его маленькому носику скатилась крошечная слезинка.

— А я просто хочу дружить, — прошептал он. — Я не хочу никого колоть. Я хочу играть в догонялки и в прятки. Я хочу, чтобы меня обнимали, как Ушастика. Но никто меня не обнимает. Даже моя тень боится ко мне подойти.

И тут кто-то тихонько кашлянул снаружи.

— Эй, — раздался знакомый голос. — Колючка, ты здесь?

Это был Бельчонок Рыжик. Его пушистый хвост свешивался с ветки прямо над кустом, и он смотрел вниз своими блестящими глазками-бусинками.

— Здесь, — буркнул Колючка и ещё глубже забился под куст. — Но я выходить не буду. Я опасный. Я колючий. Меня нельзя трогать.

— Ой, да брось ты! — фыркнул Рыжик. — Ты не опасный, ты просто... ну, колючий. Но это же не страшно! У меня, например, хвост пушистый, но я иногда им так махаю, что сбиваю шишки с деревьев. И ничего.

— У тебя хвост мягкий, — с горечью возразил Колючка. — А у меня — иголки. Ты сам в прошлый раз сказал, что я тебе всю шубку испорчу. Я слышал.

Рыжик смутился. Он почесал за ухом и спрыгнул на землю, аккуратно, чтобы не наступить на Ежика.

— Ну, это я сгоряча, — пробормотал он. — Прости, если что. Просто я тогда свой новый бантик надел, а ты его нечаянно зацепил, и он порвался. Я расстроился.

— Вот видишь! — Колючка высунул нос из-под куста. — Я даже бантики порчу!

— Да ладно тебе! — Рыжик присел на корточки. — Слушай, у меня проблема. Я тут шишку собирал для запасов на зиму, и одна очень большая, самая красивая шишка, застряла на самой высокой ветке вон того дуба. Я не могу её достать. Прыгаю-прыгаю, а она высоко. А мне она очень нужна, потому что она особенная — в ней орешки двойные, самых сладких сортов. Поможешь?

Колючка вздохнул и вылез из-под куста. Он чувствовал себя неловко, весь в листочках и колючках, которые торчали во все стороны.

— Чем я могу помочь? — спросил он уныло. — Я же не умею лазать по деревьям. У меня лапки короткие, и я не цепляюсь.

— А ты не лазай! — засмеялся Рыжик. — Ты... ну... может быть, ты её стряхнёшь? Ты же колючий. Если ты дотронешься до ветки, может, она качнётся, и шишка упадёт?

— Дотронуться? — удивился Колючка. — Да я же всё исключаю!

— Ну и что? — пожал плечами Рыжик. — Ветка же не живая. Ей не больно.

Колючка задумался. А ведь Рыжик был прав. Ветка — это не Ушастик, не Лисёнок, не мама. Ветка не обидится, если её уколоть. Наоборот, она даже обрадуется, если с неё упадёт тяжёлая шишка.

Они подошли к дубу. Шишка действительно висела высоко, на самой верхушке. Рыжик показал на неё лапкой.

— Видишь? Вон там, где листики самые жёлтые.

— Вижу, — кивнул Колючка. — Но как мне до неё дотянуться? Я же маленький.

— А ты встань на пенёк, — предложил Рыжик. — Вон там, рядом.

Колючка встал на пенёк, вытянулся на цыпочках, но до ветки всё равно не дотягивался. Тогда он подпрыгнул. И в тот момент, когда он взлетел в воздух, его колючки коснулись нижней ветки. И о чудо! Ветка качнулась, передала колебание выше, выше, ещё выше... и шишка, которая висела на самом верху, зашаталась, закачалась и — бах! — упала прямо в траву, к ногам изумлённого Бельчонка.

— Ура! — закричал Рыжик. — Колючка, ты гений! Ты настоящий гений! Ты достал шишку!

Он подхватил шишку, повертел её в лапках и счастливо засмеялся.

— Спасибо тебе, Колючка! Ты самый лучший помощник!

— Да ладно, — смутился Ежик. — Это случайно.

— Не случайно! — возразил Рыжик. — Это твои колючки сработали. Ты даже не представляешь, как это здорово! Если бы у тебя были мягкие лапки, как у меня, ты бы никогда не смог достать шишку. А твои колючки — они как длинные-длинные руки! Ну, почти.

Колючка посмотрел на свои иголки. Они всё так же торчали в разные стороны, но теперь они ему не казались такими уж ужасными. А что, если и правда... его колючки могут быть полезными?

В этот момент мимо пробежал Медвежонок Топтыжка. Он нёс в лапах огромную тыкву, которую собирался отнести домой на ужин. Но тыква была такой тяжёлой и скользкой, что она всё время выскользывала из его толстеньких лапок.

— Ой-ёй-ёй! — кряхтел Топтыжка. — Держи-держи, не держится. Опять упала!

Тыква бухнулась на землю и покатила под куст.

— Колючка! — закричал Рыжик. — Смотри! Тыква катится! Ты можешь её поймать!

— Я? — удивился Колючка. — Но я же...

— Ты можешь её наколоть! — перебил его Рыжик. — Насади на свои иголки и неси! Как на подносе!

Колючка подбежал к тыкве, которая уже собиралась укатиться в овраг, и, не раздумывая, подставил свой колючий бок. Тыква накололась на иголки, как на булавки, и застыла. Ежик аккуратно, очень медленно, пошёл в сторону Топтыжки, держа тыкву на боку, как официант — тарелку с тортом.

— Держи, — сказал он, остановившись рядом с Медвежонком и слегка наклонившись. Топтыжка снял тыкву с иголок, широко раскрыв глаза.

— Колючка! Ты мой спаситель! — прогудел он. — Как ты это сделал? Я битый час её тащил, а она всё падала и падала. А ты — раз, и готово!

— Ну... — замялся Ежик. — Колючки, наверное.

— Какие же они у тебя замечательные! — восхитился Топтыжка. — Я бы такие хотел! Представляешь, как было бы удобно носить тяжёлые вещи? Просто нацепил на себя и пошёл.

Колючка покраснел (насколько это вообще возможно для ёжика) и опустил глазки. Ему было приятно. Даже очень приятно. Впервые в жизни его колючки вызывали не страх и не раздражение, а восторг и благодарность.

Тут откуда-то из кустов донёсся тоненький писк. Это была Маленькая Полевка по имени Мила, которая несла в своей крошечной норке целую кучу сухих листьев для подстилки. Но листья разлетались у неё из лапок, потому что она была такой маленькой, что могла ухватить только по одному листочку за раз.

— Ой, — жаловалась Мила. — Ой-ой-ой. Я так долго собираю, а они всё рассыпаются. Как же я их донесу? Надо было звать брата, но он занят.

— Колючка! — снова закричал Рыжик. — Ещё одно дело! Ты же можешь помочь Миле! Колючка подошёл к Полевке и вежливо кашлянул.

— Мила, — сказал он. — Можно я тебе помогу? Я могу собрать листья. Мои иголки их подхватят, и они никуда не разлетятся.

Мила подозрительно посмотрела на колючего Ежика.

— Только не уколись сама, — предупредила она. — Осторожнее.

Колючка аккуратно наклонился над кучей листьев. Он пошевелил спинкой, и листья сами собой прилипли к его иголкам, застряв между ними. Их набралось так много, что Ежик стал похож на осенний букет.

— Ой! — засмеялась Мила. — Ты как ёлка! Новогодняя!

— Я несу тебе листья в норку, — важно сказал Колючка и, осторожно переступая, направился к её домику.

По дороге к нему прицепились ещё несколько травинок и даже один маленький цветочек, но Колючка ничего не замечал. Он был так горд собой, что даже не чувствовал тяжести.

Когда он сгрузил листья у входа в норку, Мила захлопала в ладоши.

— Спасибо, Колючка! Ты просто чудо! Я теперь всегда буду звать тебя, когда мне нужно что-то перенести. Ты такой... такой... полезный!

И тут до Ежика дошло. Он был полезным! Не страшным, не колючим-неприятным, а ПОЛЕЗНЫМ. Его колючки, которые он так ненавидел и из-за которых плакал под кустом, вдруг превратились в его главное достоинство.

Вечером, когда солнце начало садиться за горизонт, а Лунная Долина окрасилась в розовый и золотой цвета, все зверята собрались на поляне. Рыжик принёс свою шишку и показал её всем. Топтыжка притащил тыкву и рассказал, как Колючка её спас. Мила похвасталась новой сухой подстилкой и рассказала, как Ежик ей помог.

— А ты знаешь, — вдруг сказал Ушастик, подходя к Колючке и осторожно, очень осторожно, протягивая лапку, — я, наверное, зря тебя боялся. Ты не колючий злой. Ты просто... ну, специальный. Для особенных дел.

— Для особенных? — переспросил Колючка.

— Ну да, — подтвердил Рыжик. — Посмотри, что мы без тебя делали? Я бы без своей шишки остался. Топтыжка без тыквы. Мила без листьев. А Ушастик вообще без помощи, когда ему нужно было яблоки с дерева стряхнуть.

— Яблоки? — удивился Колючка. — Какие яблоки?

— Да вот те, что висят на старой яблоне, — махнул лапкой Ушастик. — Я их никак не могу достать. Высоко. А ты, наверное, смог бы. Подпрыгнуть и задеть ветку своими колючками.

Колючка подпрыгнул от радости, и все вокруг засмеялись, потому что его колючки смешно зазвенели друг о друга.

— Я могу! — закричал он. — Я всё могу! Мои колючки — они... они... волшебные!

И в этот момент, когда он стоял на поляне, окружённый друзьями, которые больше не боялись его и не отворачивались, он почувствовал, что внутри него распускается что-то тёплое и большое. Это была гордость. Не гордость зазнайки, а настоящая, тёплая, правильная гордость за себя, каким он есть.

— А знаешь, — тихо сказала Совушка Соня, которая незаметно сидела на соседней ветке и всё это время наблюдала за происходящим. — Я всегда знала, что твой секрет раскроется. Ты просто слишком долго смотрел на себя глазами других. А надо было посмотреть на себя глазами своих колючек.

Колючка поднял голову и посмотрел на Совушку.

— Почему они так долго молчали? — спросил он. — Мои колючки?

— Потому что ты не слушал, — мягко ответила Соня. — Ты слушал только свой страх. А страх, он всегда говорит громче, чем правда. Но правда проще: ты — не просто Ежик. Ты — Ежик-Помощник. И твои колючки — это твой дар. Принимай его и благодари.

Колючка обвёл глазами поляну. Все зверята смотрели на него с улыбками. Даже Лисёнок Огонёк, который всегда подшучивал над ним, кивнул и подмигнул.

— Ладно, — сказал вдруг Колючка. — Я хочу кое-что попробовать.

И он осторожно, очень-очень осторожно, подошёл к Ушастика.

— Можно, я тебя... обниму? — спросил он.

Ушастик открыл рот, потом закрыл, потом снова открыл.

— Но я же уколюсь, — пискнул он.

— А я попробую обнять тебя бочком, — предложил Колючка. — Не колючками вперёд, а так... ну, чтобы только лапки.

И он протянул свои маленькие, тёплые лапки и обхватил ими Ушастика. Колючки остались снаружи, и Ушастик почувствовал только тёплое, мягкое, пушистое объятие Ежика.

— Ой! — выдохнул Ушастик. — Это приятно! Ты совсем не колючий, когда обнимаешься! Ты мягкий!

— Я? — не поверил своим ушам Колючка.

— Да! — подтвердил Рыжик. — Ты как маленькая подушка. Только с иголками, которые можно не трогать. Давай я тоже попробую!

И Рыжик обнял Ежика с другой стороны. Потом подошёл Топтыжка и обнял их всех троих сразу. Даже Мила, маленькая Полевка, забралась на спинку Колючки и устроилась между его иголками, как в уютном кресле.

— Ты — самый замечательный ёжик на свете! — закричали все хором.

Колючка покраснел до кончиков своих иголок (что было очень смешно, потому что иголки начали розоветь). Он был счастлив. Впервые за всю свою жизнь он был абсолютно, безоговорочно счастлив.

Когда стемнело, и на небе зажглись первые звёзды, зверята разошлись по домам. Но Колючка не пошёл в свою норку. Он сел на пенёк, тот самый, на который он вставал днём, чтобы достать шишку, и стал смотреть на небо.

— А ты чего не спишь? — раздался над ним голос Совушки Сони.

— Думаю, — сказал Колючка. — Сегодня был самый хороший день в моей жизни. Я понял, что я не просто колючий. Я — особенный. И мне это нравится.

— Это и есть твой секрет, — тихо сказала Соня. — Ты не должен быть таким, как все. Ты должен быть собой. И тогда твои «недостатки» станут твоими «достоинствами». Ты это понял сегодня?

— Понял, — кивнул Колючка. — И знаешь, что я понял ещё?

— Что?

— Что я больше никогда не буду прятаться под кустом. Я буду всегда выходить к друзьям. Даже если я уколю кого-нибудь случайно, я скажу «прости» и попробую обняться лапками. Главное — не бояться себя.

Совушка Соня довольно заухала и взлетела с ветки.

— А теперь ступай в свою норку, герой дня, — сказала она. — Мама тебя заждалась. Только не закатись случайно под кровать к Шуршу и Топоту — они уже устали ждать, когда ты ляжешь, чтобы устроить вечернее шуршание.

Колючка рассмеялся, встал с пенёка и побрёл домой. Его иголки тихонько звенели в такт шагам, как маленький колокольчик.

Мама-Ежиха ждала его у входа. Когда она увидела своего сына, который шёл, высоко подняв голову и широко улыбаясь, у неё на глаза навернулись слёзы.

— Сынок, — сказала она. — Что случилось? Ты такой... другой.

— Мама, — сказал Колючка, подходя к ней и протягивая лапки. — Я теперь знаю свой секрет. Мои колючки — это не беда. Это моя суперсила. Я могу помогать всем! И ещё, мама, — он обнял её своими тёплыми лапками, — я могу обниматься! Смотри!

И он обнял маму так крепко, как только мог. Его колючки, конечно, задели её шубку, но мама даже не пискнула.

— Ой, какой ты у меня молодец, — прошептала она, целуя его в макушку (осторожно, между иголок). — Мой маленький герой.

Ночью, когда Колючка улёгся на свою мягкую подстилку из листьев, он долго не мог уснуть. Он всё вспоминал, как помогал Рыжику, Топтыжке, Миле, как обнимался с Ушастиком, как все его хвалили.

— Колючка, — раздался тихий шелест из угла. — Ты не спишь? Это мы, Шурш и Топот. Мы хотим сказать тебе спасибо.

— За что? — удивился Колючка.

— За то, что ты сегодня не боялся, — прошептал Шурш. — Мы видели всё. И мы тоже боялись тебя раньше, потому что думали, что ты нас уколешь. Но ты нас не уколол. Ты просто был собой.

— Спасибо вам, — улыбнулся Колючка в темноту. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, герой, — отозвался Топот.

Колючка закрыл глаза и начал медленно проваливаться в сон. Ему снились шишки, тыквы, листья и большая-большая гора яблок, которую он собрал для всех своих друзей. И все смеялись, танцевали и хлопали в ладоши.

А за окном, на ветке старого дуба, сидела Совушка Соня и тихо-тихо, почти беззвучно, пела свою колыбельную.

— Спи, мой колючий маленький друг,

В мире твоём не осталось вокруг.

Ни страхов, ни слёз, ни обид, ни потерь —

*Ты сам свою дверь открыл в эту дверь.
Колючки твои — не помеха, не зло,*

Они тебе в жизни помогли тепло.

Ты другом стал всем, кого ты любил,

*Ты свой секрет наконец-то открыл.
Баю-бай, ёжик мой, спи до утра,*

Завтра тебя ждут дела и добра.

Новые подвиги, новые встречи,

Спят уже все — и ты, человечек.

Песня плыла над Лунной Долиной, проникая в каждую норку, в каждое дупло, в каждое сердце. Колючка улыбался во сне. Он больше не был одиноким, не был обиженным и не боялся своих колючек.

Он был самим собой. И этого оказалось достаточно, чтобы быть счастливым.

Вопрос-размышление для малыша:

А как ты думаешь, есть ли у тебя что-то особенное, что ты сначала не любил в себе, а потом понял, что это твоя суперсила? Может быть, ты громко смеёшься, или быстро бегаешь, или умеешь красиво рисовать? Вспомни, что делает тебя непохожим на других, и попробуй полюбить это. Как Ёжик полюбил свои колючки!

Глава 3. Сказка о потерянном облачке

В Лунной Долине, где даже самый маленький ручеёк знал имя каждого камешка, а ветер никогда не злился без причины, жило-было одно Облачко. Звали его Пушок.

Пушок был облачком особенным. Не потому что он был самым белым или самым пушистым (хотя и тем, и другим он тоже был), а потому что он очень любил свою маму — Большое Мамино Облако, которое плыло по небу впереди, и своих братьев и сестёр — целую стаю маленьких облачков, которые толкались, догоняли друг друга и иногда проливались весёлым грибным дождиком.

Пушок всегда старался не отставать. Он надувал свои бока, подтягивался и изо всех сил плыл за стайей. Но в этот день ветер был слишком сильным и слишком озорным. Он дул то вперёд, то назад, то закручивал облачка в смешные спирали. Пушок кружился, вертелся и вдруг... понял, что стая уплыла далеко-далеко, а он остался один посреди огромного голубого неба.

— Мама! — пискнул Пушок. — Братики! Сестрички! Я здесь!

Но голос его был таким тоненьким, что ветер тут же унёс его в другую сторону. Большое Мамино Облако уже скрылось за горизонтом, и только маленькая белая точка виднелась там, где оно должно было быть.

Пушок растерялся. Он попытался плыть в ту сторону, но его толкало обратно, потому что он был лёгким и неуклюжим. Он пытался кричать, но ветер снова крал его слова.

— Ау-у-у! — кричал он. — Я потерялся! Помогите!

Но никто не отзывался. Только огромное синее небо молчало вокруг, и солнце слепило глаза так сильно, что Пушок даже заплакал.

И вот тогда случилось чудо. Когда первая слезинка скатилась с облачного бока, она упала вниз, на землю, и ударилась о зелёный листик. И этот листик задрожал, и с него скатилась ещё одна капля, и упала прямо на голову одному очень сонному кроту, который как раз вылез из норки подышать свежим вечерним воздухом.

— Ой! — воскликнул Крот. — Что это? Дождик? Но небо же чистое!

Он поднял голову и увидел маленькое облачко, которое плакало в небе.

— Эй, ты! — крикнул Крот. — Ты чего ревьешь? Ты же облако! Облака не плачут! Они дождик делают!

Но Пушок его не слышал, он был слишком далеко и слишком грустный.

И тут из-за поворота тропинки показалась Совушка Соня. Она как раз возвращалась с ночного обхода и несла в клюве веточку мяты для вечернего чая.

— Что за шум? — спросила она, присаживаясь на пенёк. — Кто тут кричит?

— Да вон, Облачко какое-то потерялось, — буркнул Крот. — Плачет, как маленький. А я спать хочу.

Совушка Соня подняла голову и прищурилась. Она сразу узнала Пушка, потому что видела его каждый день, когда он плыл со своей стайей над Лунной Долиной. И она поняла: малыш потерялся.

— Ах ты бедненький, — прошептала Соня. — Сейчас я тебе помогу.

Она взмахнула крыльями и взлетела высоко-высоко, прямо к Облачку. Пушок, увидев летящую к нему Сову, испугался ещё больше.

— Ты кто? — пропищал он. — Ты меня съешь?

— Я? Съесть облако? — рассмеялась Соня. — Я же сова, а не дракон. Я — Совушка Соня, хранительница ночного спокойствия. А ты, я вижу, Пушок, потерялся?

— Откуда вы меня знаете? — удивился Пушок, вытирая слёзы (хотя капли всё равно падали вниз).

— Я знаю всех, кто живёт в Лунной Долине, — сказала Соня. — И твою маму знаю. И твоих братьев-сестёр. Они сейчас где-то там, за облаками. Но ты их не догонишь, потому что ветер тебя не слушается. Хочешь, я научу тебя, как не бояться и как найти дорогу?

— Хочу! — крикнул Пушок. — Очень-очень хочу!

— Тогда слушай, — сказала Соня и уселась прямо на Пушка, потому что он был мягкий, как перина. — Ветры бывают разные. Есть ветер-хулиган, который любит толкаться. Это он тебя отнёс от стаи. А есть ветер-помощник. Он дует ровно и спокойно, как мама гладит по головке. Ты должен научиться слышать его.

— Но я не умею слышать ветер! — расстроился Пушок. — Я же облако, у меня нет ушей!

— А ты не ушами слушай, — засмеялась Соня. — Ты всем своим облачным нутром почувствуй. Вот сейчас, например, подуй с той стороны, — она махнула крылом на запад. — Чувствуешь? Это ветер-помощник. Он тянет тебя туда, где твоя мама. Плыви за ним.

Пушок прислушался. И правда — с запада дул лёгкий, тёплый ветерок, совсем не похожий на тот хулиганский, что закручивал его раньше.

— Чувствую! — обрадовался Пушок. — Я чувствую! Он тянет меня!

— Ну вот, — кивнула Соня. — Теперь плыви и не бойся. Но запомни: даже если ты собьёшься с пути, не плачь. Твои слёзы нужны земле. Они поливают цветы, поят ручьи. Плакать не стыдно, но после слёз нужно улыбаться. Понял?

— Понял, — кивнул Пушок, хотя ему всё ещё было немножко грустно.

Он начал плыть туда, куда дул тёплый ветерок. И вот тут-то и началось самое интересное. Потому что путь домой оказался полон приключений.

Сначала Пушок проплывал над высокой горой, на вершине которой росла одна-единственная сосна. Сосна была старой и мудрой, и когда Облачко проплывало мимо, она скрипнула:

— Эй, малыш! Ты куда это направляешься?

— Домой! — крикнул Пушок. — К маме!

— Тогда не сворачивай влево, — посоветовала Сосна. — Там туманная ловушка. В ней облачка кружатся и теряют время. Держись правее, к реке.

— Спасибо! — поблагодарил Пушок и послушно свернул направо.

Там действительно была река, которая блестела на солнце, как длинное зеркало. И в этом зеркале Пушок увидел своё отражение. Оно было белым, пушистым, но немного заплаканным.

— Ты такой красивый, — вдруг раздался тоненький голосок. Это была Речная Лужица, которая лежала на самом берегу и тоже смотрела на небо.

— Кто это? — удивился Пушок, замедляя ход.

— Это я, Лужица-говорунья, — ответила вода. — Я маленькая, но я много знаю. Ты потерялся, да?

— Да, — вздохнул Пушок. — Я ищу маму.

— А ты знаешь, что твоя мама сейчас плачет? — спросила Лужица. — Она ищет тебя, и ей очень грустно.

— Правда? — испугался Пушок. — Она плачет? Как и я?

— Конечно, — ответила Лужица. — Все мамы плачут, когда теряют своих деток. Но ты не бойся. Иди за этой рекой, она приведёт тебя к большому озеру, а там уже близко та сторона, куда улетела твоя стая.

— Спасибо! — крикнул Пушок и поплыл дальше, над рекой.

И тут он заметил, что его слёзы больше не падают. Он перестал плакать. Он улыбнулся, потому что понял: он не один. Ему помогают Сосна, Лужица, Ветер-помощник, а главное — Совушка Соня летит рядом и подбадривает его.

— Ты молодец, Пушок! — крикнула Соня. — Ты уже почти у цели. Видишь там, за озером, белое пятнышко? Это твоя мама!

Пушок прищурился. И правда — там, далеко-далеко, над самым горизонтом, виднелось большое белое облако, которое двигалось ему навстречу. И рядом с ним кружились маленькие облачка — его братья и сёстры!

— Мама! — закричал Пушок так громко, как только мог. — Я здесь! Я иду!

И он изо всех сил прибавил ходу. Ветер-помощник дул ему в спину, подталкивая вперёд. Река под ним искрилась, как дорожка из фонариков. Лужица на берегу весело плескалась и кричала: «Давай, малыш, давай!»

И вот наконец Пушок добрался до своей семьи. Большое Мамино Облако раскрыло свои белые объятия и прижало его к себе. Братья и сёстры закружились вокруг, хлопая себя по бокам от радости.

— Пушок! — плакала мама. — Где ты был? Мы так волновались! Мы искали тебя повсюду!

— Я потерялся, — признался Пушок, пряча носик в мамином боку. — Я боялся, что никогда вас не найду. Но Совушка Соня и Ветер-помощник помогли мне. И Сосна. И Лужица.

— Какие добрые, — прошептала мама. — Надо будет поблагодарить их всех.

Но Пушок вдруг почувствовал, что что-то изменилось в нём самом. Он больше не был тем маленьким потерянным облачком, которое плакало и боялось. Он стал смелее, увереннее. Он понял, что даже если он потеряется снова, он сможет найти дорогу. Он умеет слушать ветер, видеть подсказки и просить помощи.

— Мама, — сказал он. — А можно я теперь буду плавать чуть дальше от стаи? Сам? Я уже большой.

Мама улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты стал большим, — согласилась она. — Но только сначала мы все вместе полетим к озеру и скажем «спасибо» Лужице. А потом к Сосне. А потом мы устроим весёлый дождик в честь твоего возвращения.

— Ура! — закричали все облачка.

И они полетели. Сначала к озеру, где Лужица-говорунья так гордилась собой, что даже подпрыгнула от радости. Потом к горе, где Сосна удовлетворённо заскрипела: «Молодец, малыш, не подвёл». А потом, когда все благодарности были сказаны, стая облачков поднялась высоко-высоко и пролилась лёгким, тёплым, пахнущим мятой дождиком.

Дождик был не обычный, а колыбельный. Капли падали на землю мягко-мягко, не громко, не страшно. Они стучали по листьям так тихо, что даже самый чуткий сонный крот не проснулся. Это был дождик-благодарность, дождик-объятие, дождик-возвращение.

А когда дождик закончился, на небе появилась радуга. Она была такой яркой, что все зверята в Лунной Долине вышли из своих норок и закричали: «Смотрите! Радуга!»

— Это мой подарок, — гордо сказал Пушок. — Я научился не только плакать, но и улыбаться. И теперь мои слёзы превращаются в радугу.

Совушка Соня сидела на ветке дуба и довольно ухала.

— Ты всё понял правильно, Пушок, — сказала она. — Твои слёзы не пропадают зря. Они питают землю, они делают мир свежим. Но твоя улыбка — она делает мир цветным. И ты можешь выбирать: плакать или улыбаться. И это твоя сила.

Пушок кивнул. Он лежал на мамином боку, окружённый братьями и сёстрами, и чувствовал себя самым счастливым облачком на свете.

— Мама, — спросил он. — А если я снова потеряюсь, ты будешь меня искать?

— Всегда, — ответила мама. — Я буду искать тебя везде, даже за самой дальней тучей. Потому что ты мой сын, и я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — прошептал Пушок и закрыл глаза.

Вечер опускался на Лунную Долину. Солнце пряталось за горизонт, окрашивая облака в розовый и золотой. Стая облачков устроилась на ночлег высоко в небе, укрывшись тёплым одеялом из сумерек.

Пушок долго не мог уснуть. Он всё вспоминал своё путешествие: как плакал, как встретил Совушку Соню, как слушал Ветер-помощник, как разговаривал с Сосной и Лужицей. Ему казалось, что он прожил целую жизнь за один день.

— Мама, — прошептал он. — А если бы я не заплакал, то мои слёзы не упали бы на Крота, и он бы не позвал Совушку Соню, и она бы меня не нашла. Значит, плакать иногда полезно?

— Конечно, — тихо ответила мама. — Слёзы — это как маленький дождик внутри тебя. Они очищают и успокаивают. Главное — после дождя всегда выглядывает солнце. И ты это сегодня доказал.

Пушок улыбнулся в темноте. Он понял, что он уже совсем не тот потерянный малыш. Он научился быть сильным, находить дорогу и благодарить. И ещё он понял, что даже самая грустная история может закончиться радостью, если рядом есть те, кто тебя любят, и те, кто готовы помочь.

А внизу, под облаками, в своей уютной норке, Крот переворачивался на другой бок и бормотал спросонья:

— Этот дождик был вкусным. Пах мятой. Надо будет завтра сказать спасибо тому облачку.

Он не знал, что облачко его уже услышало, но не на земле, а в небе, и улыбнулось в ответ.

И тут, когда тишина стала совсем глубокой, Совушка Соня взлетела на самую высокую ветку и запела свою колыбельную. Её голос был мягче пуха, тише шёпота, нежнее мамино поцелуя.

— *Облачко, облачко, белый пушок,*

Ты потерялся, но вышел из строк.

Слёзы твои напоили поля,

В них расцвела золотая земля.

Ты научился просить и искать,

Слушать ветра и другим помогать.

Мама твоя в небесах ждала,

Ты к ней вернулся — и ты понял:

Что плакать не стыдно, а стыдно молчать,

Когда тебе нужно руку подать.

Спи, мой Пушок, теперь ты — герой,

Ты не один, ты всегда со звездой.

Баю-бай, облачко, баю-бай,

Спи до утра, отдыхай.

Завтра ты снова поплывёшь в небесах,

Счастье и радость храня в своих снах.

Песня плыла над Лунной Долиной, проникала в каждое облачко, в каждую норку, в каждое сердечко. Пушок спал, прижавшись к маме, и во сне он летал над горами и реками, но уже не боялся, потому что знал: дорога домой всегда найдётся, если ты не забываешь улыбаться и благодарить.

А Совушка Соня, закончив песню, тихонько махнула крылом и скрылась в своей дуплянке. На прощание она оставила на облачной перине маленькое белое пёрышко — знак того, что она всегда рядом и всегда готова помочь.

И когда утро наступило, и солнце снова взошло над Лунной Долиной, Пушок проснулся с улыбкой. Он посмотрел на маму, на братьев и сестёр, на небо, которое было таким же голубым, как вчера, но теперь оно казалось ему родным и дружелюбным.

— Мама, — сказал он. — А давай сегодня мы полетим к Сосне и подарим ей новый шишковый дождик? Она ведь помогла мне вчера.

— Отличная идея, — улыбнулась мама. — И Лужице привет передадим. Пусть она знает, что её совет был очень важным.

— И Кроту, — добавил Пушок. — Он первый заметил меня, когда я плакал. Спасибо ему, что не прошёл мимо.

Так маленькое облачко, которое вчера потерялось и плакало, сегодня стало самым благодарным и самым счастливым облачком в мире. Оно поняло главный секрет: не важно, сколько раз ты теряешь дорогу, важно, сколько раз ты находишь в себе силы попросить помощи и поблагодарить за неё.

И с того дня Пушок больше никогда не боялся отстать от стаи. Потому что теперь он знал: если он потеряется, он всегда сможет найти путь по подсказкам ветра, деревьев, воды и добрых сердец.

А ещё он научился превращать слёзы в радугу. И это было самым главным открытием.

Вопрос-размышление для малыша:

Ты когда-нибудь терялся? Может быть, в магазине или на прогулке? Что ты чувствовал? А кто тебе помог найти маму или папу? Как ты думаешь, если бы ты не заплакал, а просто позвал на помощь, тебе бы помогли? Как Пушок научился просить помощи, так и ты можешь. А ещё — после того как ты находишь своих, ты чувствуешь радость, как радуга после дождя? Попробуй запомнить это чувство и улыбнуться, когда вспомнишь.

Глава 4. Хрустальный дождик

В Лунной Долине, где всегда было зелено, свежо и влажно, вдруг случилась беда. Солнце припекало так сильно, что даже самые стойкие ромашки начали опускать свои головки, а ручеёк, который обычно звенел как колокольчик, превратился в тоненькую ниточку, которая еле-еле сочилась между камней.

— Жарко, — вздыхала Мама-Зайчиха, обмахиваясь лопухом. — Даже морковка завяла.

— Хочется пить, — пищал Ушастик, облизывая пересохший носик.

— Где же дождик? — ворчал Крот, выглядывая из норки и тут же прячась обратно. — Я без влаги не могу рыть ходы, земля твёрдая, как камень.

Все зверята в Лунной Долине были обеспокоены. Но больше всех переживал Медвежонок Топтыжка. Он был самым большим, самым косолапым и самым добрым медвежонком на свете. И ещё он очень любил цветы. Он каждый день обходил свою любимую полянку, где росли нежные синие колокольчики, жёлтые лютики и белые ромашки, и поливал их из своей маленькой лейки. Но лейка была слишком маленькой, а солнце слишком жарким, и вода испарялась быстрее, чем он успевал её приносить.

— Мои цветочки, — причитал Топтыжка, садясь на траву (которая уже была жёлтой и колючей). — Что же с вами будет? Вы же засохнете! Вы же умрёте без водички!

Колокольчики печально кивали своими синенькими головками, будто соглашались. Ромашки скручивали лепестки, словно говорили: «Нам очень плохо, Топтыжка, помоги».

Медвежонок так расстроился, что даже не заметил, как с его носа скатилась большая медвежья слеза и упала на землю. Но слеза была такой маленькой, что земля даже не намочила.

— Надо что-то делать, — сказал он сам себе. — Я пойду к Совушке Соне. Она всё знает.

И Топтыжка, переваливаясь с ноги на ногу, потопал к старому дубу, где жила Совушка Соня. По дороге он чуть не наступил на муравья, извинился, чуть не упал в овраг, но удержался, и наконец добрался до дуба.

— Соня! — крикнул он. — Соня, ты здесь?

Совушка Соня уже ждала его. Она сидела на нижней ветке и внимательно смотрела на Топтыжку своими круглыми жёлтыми глазами.

— Я знаю, зачем ты пришёл, — сказала она. — Ты хочешь спасти цветы. Ты хочешь дождя.

— Да! — закивал Топтыжка, и его толстые щёки запрыгали. — Как ты догадалась?

— Я всё вижу с высоты, — ответила Соня. — Земля пересохла, ручьи почти высохли, всем грустно. Но знаешь, Топтыжка, я заметила одну странность. Когда ты идёшь по лесу, земля под тобой чуть-чуть вибрирует. Ты такой тяжёлый и такой сильный, что твой топот разносится далеко-далеко. И я подумала: а что, если твой топот может разбудить дождь?

— Мой топот? — удивился Медвежонок. — Но я же просто иду. Иногда я даже спотыкаюсь и падаю, тогда земля дрожит ещё сильнее, но дождь от этого не начинается.

— А ты пробовал топтать специально? — спросила Соня. — В ритме, как в танце? Дождь — это не просто вода, это музыка. Капли падают в такт. И если ты найдёшь этот такт, если твой топот будет похож на песню, то тучи услышат и откликнутся.

Топтыжка задумался. Он никогда не думал о том, что его ноги могут быть музыкальными. Он всегда считал себя неуклюжим и даже немного мешковатым.

— Но я не умею танцевать, — признался он. — У меня лапы большие и тяжёлые. Я только падать умею.

— Вот и отлично! — засмеялась Соня. — Падение — это тоже часть танца. Главное, чтобы твои шаги были ритмичными, как колыбельная. Топай, Топтыжка, топай. Но не просто

так, а с душой. Представь, что каждая твоя нога — это барабан, а земля — это большой барабан. И ты играешь на нём мелодию для туч.

Медвежонок посмотрел на свои лапы. Они были огромными, мохнатыми и казались такими неуклюжими. Но он очень хотел помочь своим цветочкам. И он решил попробовать.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую. Но где мне топать?

— Иди на самую высокую поляну, — показала крылом Соня. — Туда, где ветер гуляет свободно. Там твой топот будет слышен далеко-далеко, и тучи смогут его услышать.

Топтыжка побрёл на высокую поляну. Это была та самая поляна, где он каждый день поливал свои цветы, только теперь она была не зелёной, а жёлто-коричневой, и все цветы лежали на земле, как маленькие больные.

— Бедные мои, — прошептал он. — Сейчас я вам помогу.

Он встал посередине поляны, поднял голову к небу, которое было чистым-пречистым, без единой тучки, и начал топтать.

Топ-топ-топ — неуклюже, тяжело. Земля под ним вздрагивала, но ничего не происходило. Ни одной капли.

— Сильнее! — крикнула Соня, которая прилетела и села на соседний камень. — Топай как можно сильнее, но не торопись. Чувствуй ритм.

Топтыжка закрыл глаза. Он вспомнил, как мама в детстве пела ему колыбельную. Она была медленной, тягучей, как мёд, и в ней был особый ритм: баю-бай, баю-бай. Он начал топтать в этом ритме: тяжёлый шаг — пауза, лёгкий шаг — пауза, потом два коротких шага.

— Так-так, баю-бай, так-так, баю-бай, — бормотал он себе под нос.

И вдруг он почувствовал, что его ноги сами начинают двигаться быстрее, веселее. Он уже не просто топал — он пританцовывал. Он переступал с ноги на ногу, приседал, вставал, делал смешные прыжки, от которых земля гудела, как большой барабан.

— Ой! — вскрикнул он, когда случайно наступил на камешек и кувыркнулся. Но он не расстроился, а встал и продолжил свой танец.

Совушка Соня смотрела на него и улыбалась. Топтыжка был таким смешным в своём косолапом танце, но в то же время таким искренним, что даже ветер, который до этого был ленивым и горячим, начал вдруг дуть свежее.

А потом случилось чудо.

Сначала на небе появилась маленькая серенькая тучка. Она была совсем крошечной, размером с ладонь Медвежонка. Но она была! Топтыжка увидел её и закричал:

— Смотри! Тучка!

— Топай, Топтыжка, топай! — подбодрила его Соня. — Она растёт!

И Медвежонок затопал ещё сильнее. Теперь он прыгал на двух ногах, хлопал в ладоши и даже рычал в такт: «Р-р-р-топ-топ-топ!» Тучка росла, к ней присоединились другие тучки, и вскоре всё небо затянулось серым пушистым покрывалом.

— Ещё немного! — кричала Соня. — Твой танец должен стать колыбельной для земли! Плавно, мягко!

Топтыжка замедлил темп. Теперь он ступал мягко, как мама, которая ходит на цыпочках, чтобы не разбудить ребёнка. Он переставлял лапы осторожно, но с достоинством, и его шаги звучали уже не громко, а нежно: тук-тук, тук-тук.

И вот с неба упала первая капля. Она упала прямо на нос Топтыжке. Он поднял голову и широко улыбнулся.

— Дождик! Настоящий дождик!

Потом упала вторая капля, третья, и вдруг всё небо открылось, и на землю полился тёплый, свежий, прозрачный дождь. Он не был ливнем, который сбивает с ног, нет. Это был мягкий, серебристый, чуть слышный дождик, как будто само небо гладило землю по головке.

Зверята, которые сидели в своих норках, выглянули наружу. Ушастик высунул уши и подставил их под капли. Рыжик выскочил из дупла и закружился в дожде. Лисёнок Огонёк облизнул одну каплю и заявил, что она сладкая, как малиновый сок.

А Топтыжка стоял посреди поляны, и его шубка быстро намокала. Но он не прятался. Он поднял лапы к небу и громко засмеялся.

— Я сделал это! Я вызвал дождь! Я танцевал, и дождь пришёл!

— Ты не просто танцевал, — сказала Совушка Соня, прячась под большим листом, чтобы не намочить. — Ты подарил земле музыку. Дождь услышал твой ритм и запел вместе с тобой. Теперь смотри, что будет.

И Топтыжка посмотрел вокруг. Цветы, которые совсем недавно лежали на земле, начали поднимать свои головки. Синие колокольчики зазвенели от радости (звон был едва слышным, но Медвежонок его услышал). Ромашки раскрыли свои лепестки и заулыбались солнцу, которое пряталось за тучами. Трава, которая была жёлтой, начала зеленеть прямо на глазах, и по ней побежали маленькие ручейки.

— Смотрите! — закричал Бельчонок Рыжик. — Ручей снова зазвенел! Вода пошла!

И правда, тоненький ручеёк, который почти исчез, снова наполнился водой и зажурчал, как колокольчик. Он бежал по камням, облизывал их и весело подпрыгивал на каждом уступе.

— Ура! — закричали все хором. — Дождь! Дождь пришёл!

Но самое удивительное произошло потом. Когда дождь чуть поутих и стал совсем лёгким, почти как туман, Совушка Соня вылетела из-под листа и сказала:

— Топтыжка, а теперь прислушайся к дождю. Он ведь тоже поёт. Он повторяет твой ритм.

Медвежонок замер. Он закрыл глаза и прислушался. Капли падали на листья, на землю, на камни, и каждая создавала свой звук: кап-кап, кап-кап. И этот звук был ровным, спокойным, убаюкивающим. Это был тот самый ритм, который он придумал, когда топал — баю-бай, баю-бай.

— Правда! — удивился Топтыжка. — Дождик поёт колыбельную! Мою колыбельную!

— Он запомнил твой танец, — сказала Соня. — Теперь он будет лить, пока земля не напьётся, но после он успокоится и станет тихим, как сон. А ты, Топтыжка, стал настоящим героем — ты спас Лунную Долину от засухи.

Медвежонок расправил плечи и почувствовал, что его сердце наполняется гордостью. Он не просто вызвал дождь — он подарил всем радость, прохладу и надежду. А ещё он понял, что даже неуклюжий и косолапый может совершить чудо, если делать что-то от всего сердца.

Вечером, когда дождь закончился, и на небе засияли звёзды, все зверята собрались на поляне. Трава была мокрой, но зелёной и мягкой. Цветы стояли красивые и свежие, а ручей бежал и звенел, как будто никогда и не пересыхал.

— Топтыжка, — сказал Ушастик, — ты сегодня главный герой. Ты научил нас, что дождь можно вызвать танцем. Можно, мы теперь тоже будем танцевать, когда захочется дождя?

— Конечно, — засмеялся Топтыжка. — Но только помните: танец должен быть добрым и ритмичным. И не надо пытаться прыгать выше меня, а то земля может не выдержать.

Все засмеялись, потому что Топтыжка был самым большим и тяжёлым, и никто не мог перепрыгнуть его.

— А знаешь, — вдруг сказал Лисёнок Огонёк, — я заметил, что твой дождик был хрустальным. Капли падали и блестели, как стеклянные. Давай назовём его «Хрустальным дождиком»?

— Здорово! — обрадовались все. — Хрустальный дождик!

Топтыжка покраснел и смущённо почесал за ухом. Ему было приятно, что его дождь получил такое красивое имя.

А потом наступила ночь. Все разошлись по своим домам, но Медвежонок не уходил. Он сидел на поляне, подставляя шубку лунному свету, и слушал, как ручей журчит колыбельную.

— Ты не идёшь спать? — спросила Совушка Соня, присаживаясь рядом.

— Нет, — тихо ответил Топтыжка. — Я хочу запомнить этот день. Сегодня я понял, что даже мои неуклюжие лапы могут творить чудеса. Раньше я думал, что я просто большой и неловкий, а оказывается, я — музыкант. Я могу играть на земле, как на барабане.

— Ты всегда им был, — сказала Соня. — Просто ты об этом не знал. Каждый из нас имеет свой дар. У Ушастика — доброе сердце, у Рыжика — ловкость, у Лисёнка — хитрость (иногда она бывает полезной), а у тебя — сила и ритм. Только ты должен был это открыть.

— Спасибо, Соня, — сказал Топтыжка. — Если бы не ты, я бы никогда не додумался топтать. Я бы просто сидел и грустил.

— А ты не грусти, — улыбнулась Сова. — Теперь у тебя есть новый танец. И если когда-нибудь в Долине снова станет сухо, ты знаешь, что делать.

Медвежонок кивнул, поднялся на ноги и пошёл домой, к своей маме. Мама-Медведица ждала его у входа в берлогу и, увидев мокрого, но счастливого сына, обняла его.

— Ты сегодня был просто великолепен, — сказала она. — Я видела, как ты танцевал. Ты был похож на маленького богатыря, который победил жару.

— Мама, — спросил Топтыжка, укладываясь на свою мягкую подстилку из сухой травы, — а ты тоже умеешь танцевать дождь?

— Конечно, умею, — рассмеялась мама. — Я же твоя мама. Просто я танцую по-другому — когда я пеку пироги, мои руки двигаются так, что тесто поднимается, как облако. А когда я стираю твои штанишки, моя тёрка поёт такую песню, что даже стирка становится веселее. Каждый танец по-своему волшебный.

Топтыжка закрыл глаза. Он был счастлив. Он спас цветы, ручей и всю долину, и теперь ему снился самый сладкий сон, в котором он танцевал на облаках и вызывал радугу.

И тут тихо-тихо, почти беззвучно, Совушка Соня начала свою колыбельную. Она сидела на берёзе у самого входа в берлогу и пела так, чтобы Медвежонок мог слышать:

— *Топ-топ, мой медвежонок,*

Топ-топ, ты не ребёнок,

Ты большой и сильный,

Ты дождик звал красивый.

Ты топал и плясал,

И дождик в гости звал.

Он капал, как колыбель,

Баюкая весь лес и ель.

Теперь цветы проснулись,

Ручьи заулыбались,

И каждый знает ныне —

Ты гений на чужбине,

На этой же земле,

В своей родной норе.

Спи, Топтыжка, спи,

Ты теперь в любви.

Твои шаги — как песня,

Их слушают все вместе.

Баю-бай, малыш,

Ты дождик, не шуришь,

Ты спишь, а дождик спит,

И весь лес молчит.

Песня уплывала в ночь, смешиваясь с журчанием ручья и шёпотом листьев. Топтыжка во сне улыбался — он слышал, как его собственное сердце стучит в том же ритме: тук-тук, баю-бай, тук-тук. И он знал, что этот ритм останется с ним навсегда.

А за окном, на высокой траве, которую полил его дождь, лежала одна-единственная утренняя росинка. Она была похожа на маленькую хрустальную каплю, которая помнила танец Медвежонка и обещала рассказывать о нём всем, кто утром проснётся и увидит её блеск.

Наутро в Лунной Долине всё дышало свежестью. Цветы тянулись к солнцу, ручей звенел громче прежнего, а зверята снова могли пить и купаться. И все они знали, кому обязаны этим чудом.

И когда Топтыжка проснулся и вышел из берлоги, его встретили радостные крики:

— Смотрите! Наш герой! Тот, кто вызвал Хрустальный дождик!

Медвежонок смущённо махнул лапой, но внутри у него распускался большой-большой цветок гордости. Он больше не считал себя неуклюжим. Он считал себя танцором, который умеет играть на земле, как на музыкальном инструменте.

И с того дня, когда в Лунной Долине случалась засуха, все зверята приходили к Топтыжке и просили: «Пляши, Топтыжка! Подари нам дождик!» И он плясал, и дождь приходил, и все были счастливы.

А Совушка Соня смотрела на всё это и довольно ухала. Её задача была выполнена: она помогла ещё одному маленькому сердцу поверить в свои силы.

Вопрос-размышление для малыша:

А ты умеешь танцевать? Что ты чувствуешь, когда танцуешь? Может быть, когда ты прыгаешь и кружишься, ты тоже можешь вызвать что-то волшебное? Например, хорошее настроение у своих родителей или даже у дождя? Как Топтыжка, попробуй придумать свой танец для какого-нибудь доброго дела. И помни: даже если что-то не получается, попробуй сделать это с душой — и у тебя обязательно получится!

Глава 5. Как подружились Луна и Солнце

В Лунной Долине, где уже случилось много чудес, жило одно маленькое светило, которое всегда было чуточку грустным. Это был Лунный Зайчик. Не тот, что бегают по стенам от ночника, а самый настоящий сын Луны. Он жил на самой высокой горе, где ночью было прохладно и тихо, а днём — пусто и одиноко.

Лунный Зайчик был серебряным, как только что выпавший снег, с длинными ушами, которые светились в темноте мягким голубоватым светом. Он очень любил свою маму Луну, но ему иногда хотелось тепла. Настоящего, солнечного тепла, от которого тают сосульки и растут цветы.

— Мама, — спросил он однажды, когда Луна сияла особенно ярко, — а почему я никогда не вижу Солнце? Почему оно всегда уходит, когда мы приходим?

— Потому что мы с ним не друзья, — грустно ответила Луна. — Мы как две чаши весов: когда я поднимаюсь, оно опускается. Когда оно встаёт, я прячусь. Так устроен мир.

— Но почему мы не можем встретиться? — не унимался Зайчик. — Разве мы не можем хотя бы поздороваться?

— Мы пытались, — вздохнула Луна. — Однажды, очень давно, мы встретились. И поссорились. Каждый считал себя главнее. Солнце говорило, что без него жизнь погибнет. Я говорила, что без меня ночь будет кромешной, и никто не сможет спать. Мы так громко спорили, что звёзды разбежались, а на земле начались бури. С тех пор мы решили не встречаться.

Лунный Зайчик задумался. Ему казалось, что это очень глупо — не разговаривать с кем-то только потому, что когда-то был спор. Ведь он же никогда не видел Солнце, а вдруг оно на самом деле доброе? Вдруг оно тоже хочет дружить?

И Зайчик решил, что он обязательно должен найти способ познакомиться с Солнцем.

А в это же время, на другой стороне неба, где всегда было светло и жарко, жил Солнечный Лучик. Он был сыном Солнца — маленьким, золотистым, с озорными лучиками вместо волос и с вечной улыбкой на лице. Но у него тоже была своя печаль.

— Папа, — спросил он у Солнца, когда день клонился к закату, — а что там, за горизонтом? Куда мы уходим каждый вечер?

— Мы уходим спать, — ответило Солнце. — Нам нужно набраться сил, чтобы снова согреть землю.

— А кто нас сменяет? — не унимался Лучик.

— Луна, — нехотя ответило Солнце. — Она выходит, когда мы уходим.

— А почему мы никогда с ней не разговариваем? — спросил Лучик. — Мы же оба светим. Мы оба нужны земле. Почему мы не друзья?

— Потому что мы разные, — нахмурилось Солнце. — Я горячее и яркое, она холодная и бледная. Мы не подходим друг другу. И вообще, мы однажды поссорились, и с тех пор так повелось.

Солнечный Лучик посмотрел на уходящее солнце и решил, что это очень несправедливо. Он тоже никогда не видел Луну и очень хотел с ней познакомиться. Ведь если они такие разные, это не значит, что они не могут быть друзьями.

И Лучик тоже решил, что он должен найти способ встретиться с Лунным Зайчиком.

Так и получилось, что в один прекрасный вечер, когда Солнце уже почти скрылось за горизонтом, а Луна только начинала подниматься на небо, их дети оказались на одной и той же полосе сумерек — той самой золотисто-синей полоске, где день встречается с ночью.

Лунный Зайчик прыгал по мягкой траве сумерек, оставляя за собой голубые следы. Солнечный Лучик кувыркался в воздухе, рассыпая искры. И они столкнулись нос к носу.

— Ой! — воскликнул Зайчик.

— Ай! — воскликнул Лучик.

Они отскочили друг от друга и уставились с удивлением. Перед ними стоял незнакомец, сверкающий совсем иначе, чем они сами. У Зайчика был прохладный серебряный свет, у Лучика — золотой и тёплый.

— Ты кто? — спросил Зайчик.

— Я Солнечный Лучик, — ответил тот. — А ты?

— Я Лунный Зайчик, — сказал Зайчик и улыбнулся. — Я так рад тебя видеть! Я никогда не встречал никого с золотым светом!

— А я никогда не видел серебряного, — признался Лучик. — Ты такой красивый! Как звёздный дождь!

Они стояли и улыбались друг другу. Им было так интересно, что они забыли о времени.

— Послушай, — сказал Зайчик, — я слышал, что наши родители поссорились. Они не разговаривают. Но мы же можем разговаривать, правда?

— Конечно! — согласился Лучик. — Мы же не они. Мы новые, мы можем дружить, даже если они не хотят.

И они стали болтать. Зайчик рассказывал, как здорово ночью на горе, как звёзды шепчут сказки и как ветер поёт колыбельные. Лучик рассказывал, как весело днём на солнечных полянах, как птицы поют и как цветы раскрываются от тепла.

— Ты знаешь, — вдруг сказал Зайчик, — я всегда хотел почувствовать тепло. Но мама говорит, что я холодный, как лунный свет.

— А я всегда хотел почувствовать прохладу, — признался Лучик. — Папа говорит, что я слишком горячий и могу обжечься.

— Тогда, может быть, мы поменяемся? — предложил Зайчик. — Я поделюсь с тобой прохладой, а ты со мной — теплом?

— Отличная идея! — обрадовался Лучик.

И они приблизились друг к другу. Зайчик вытянул свою серебряную лапку, Лучик протянул свой золотой лучик. Они коснулись друг друга.

И в этот миг произошло чудо. Их света смешались, и вокруг них засиял нежный розовый свет, который никогда не видели ни на небе, ни на земле. Он был тёплым и прохладным одновременно, мягким и ярким, как первый весенний закат.

— Ой! — воскликнул Зайчик. — Мне тепло! Я чувствую тепло, но оно не жжёт! Оно приятное!

— А мне прохладно! — закричал Лучик. — Но я не замёрз! Мне свежо и хорошо!

Они закружились в танце, и их света переплелись так красиво, что даже звёзды, которые уже начали просыпаться на небе, остановились и заплодировали.

— Смотрите! — зазвенела одна маленькая Звёздочка. — Лунный Зайчик и Солнечный Лучик танцуют вместе! Это же волшебство!

Звёздочка подлетела поближе. Она была очень любопытной и всегда мечтала, чтобы все на небе дружили.

— Вы такие красивые вместе, — сказала она. — Почему ваши родители не хотят мириться? Если бы они увидели, как вы танцуете, они бы поняли, что быть вместе — это не значит быть одинаковыми. Это значит дополнять друг друга.

— Но они не хотят встречаться, — вздохнул Зайчик. — Они даже не разговаривают.

— А мы можем им помочь! — воскликнул Лучик. — Мы можем устроить встречу! Мы же их дети! Они нас послушают!

— Но как? — спросил Зайчик. — Они не могут встретиться просто так. Они же небесные тела. У них свои орбиты.

— А я знаю! — сказала Звёздочка. — Бывает такое редкое явление — затмение. Когда Луна проходит прямо перед Солнцем. Они встречаются на одно короткое мгновение. Но

чтобы оно случилось, нужно, чтобы они захотели этого сами. Надо, чтобы они оба согласились подойти поближе друг к другу.

— Но они не согласятся, — грустно сказал Зайчик. — Они же поссорились.

— А мы им покажем наш танец! — сказал Лучик. — Мы попросим всех звёзд помочь. Пусть они передадут нашим родителям наши лучики — моё тепло и твою прохладу. И пусть они увидят, как это прекрасно, когда они соединяются.

И они принялись за дело.

Лунный Зайчик собрал все свои серебряные лучики и отправил их к Луне с просьбой: «Мама, посмотри, как красиво, когда мы встречаемся с Солнечным Лучиком. Нам хорошо вместе. Дай нам шанс!»

Солнечный Лучик собрал все свои золотые искры и отправил их к Солнцу: «Папа, пожалуйста, встретись с Луной. Мы такие счастливые, когда мы вместе. И ты тоже будешь счастливым!»

Звёздочка собрала всех своих звёздных подруг, и они выстроились в небе длинной сверкающей цепочкой, которая вела от Луны к Солнцу. Это был мост дружбы.

И в ту ночь случилось то, чего не было тысячи лет. Луна и Солнце, услышав своих детей и увидев звёздный мост, почувствовали, что их сердца начинают таять. Они долго не решались, но потом Луна тихонько сказала:

— Мой Зайчик прав. Я слишком гордая. Мне было бы приятно разделить с кем-то свою прохладу.

А Солнце прошептало:

— Мой Лучик тоже прав. Я слишком горячее. Мне не хватает свежести. Может быть, мы действительно можем попробовать?

И они начали медленно сближаться. Это было не просто движение по орбитам. Это был первый шаг к миру.

Когда они встретились, произошло затмение. Но это было не страшное, пугающее затмение, а самое красивое, какое только можно представить. Солнце и Луна обнялись. Их свет смешался, и на небе засияла корона из серебряных и золотых лучей, похожая на огромный цветок.

Внизу, на земле, все зверята проснулись и вышли из своих норок. Ушастик поднял голову и ахнул:

— Смотрите! Солнце и Луна обнимаются! Они помирились!

Рыжик запрыгал от радости. Топтыжка захлопал в ладоши. Даже Крот вылез из норки и заплакал от счастья.

А Лунный Зайчик и Солнечный Лучик сидели на звёздном мосту и смотрели на своих родителей.

— Они обнимаются, — прошептал Зайчик. — Они наконец-то вместе.

— Они поняли, что мы правы, — улыбнулся Лучик. — Быть разными — это не стыдно. Это здорово. Потому что вместе мы можем сделать такую красоту!

Солнце и Луна обнялись ещё крепче, и в этот момент их лучи упали на землю, и все цветы, даже те, что спали, распустились. Деревья засветились золотом и серебром, а ручей запел песню о дружбе.

Когда затмение закончилось, и они начали расходиться, Солнце сказало Луне:

— Ты была права, Луна. Без тебя ночи были бы слишком тёмными. Спасибо, что ты есть.

— А ты был прав, Солнце, — ответила Луна. — Без тебя дни были бы холодными. Прости меня, что я была такой упрямой.

— И ты прости меня, — сказало Солнце. — Давай больше не ссориться. Давай будем сменять друг друга с уважением. И будем всегда помнить, что мы — не соперники, а друзья, которые делят небо.

С того дня они заключили договор: каждое утро, когда Солнце поднималось, оно оставляло на небе одно золотое пёрышко для Луны, а каждый вечер, когда появлялась Луна, она оставляла одно серебряное пёрышко для Солнца. И эти пёрышки, смешиваясь, создавали прекрасные закаты и рассветы.

А Лунный Зайчик и Солнечный Лучик стали лучшими друзьями на вечность. Каждый день, в сумерках, они встречались на той самой полоске, где день встречается с ночью, и танцевали свой танец — тот самый, что когда-то примирил их родителей.

Звёздочка, которая стала свидетельницей всего этого, была самой счастливой звездой на небе. Она часто сидела на краешке месяца и рассказывала другим звёздам историю о том, как маленькие дети помирили своих больших родителей.

— Это самое главное, — говорила она, — не важно, насколько вы разные. Если вы хотите дружить и готовы идти навстречу, любая ссора закончится.

И все звёзды согласно мерцали.

В Лунной Долине тоже заметили перемены. Закаты стали розовыми, рассветы — золотисто-голубыми, а ночи — более светлыми. Луна и Солнце больше не прятались друг от друга, а здоровались на закате и на рассвете.

Совушка Соня, которая обычно летала только по ночам, иногда просыпалась и пораньше, чтобы увидеть, как Солнце и Луна машут друг другу лучами.

— Это самая красивая история, которую я когда-либо рассказывала, — сказала она однажды вечером, сидя на ветке дуба. — Лунный Зайчик и Солнечный Лучик показали нам, что любовь и дружба сильнее гордости и упрямства.

Она посмотрела на спящих зверят, которые уже знали эту историю наизусть, и начала свою колыбельную:

— *В небе высоко, в небе далёком,*

Жили два брата под общим потоком.

Солнце и Луна — два светлых огня,

Каждый хотел быть главнее, чем я.

Ссора у них затянулась на годы,

Не было света в их жизни, погоды.

Но подросли дети — Зайчик и Лучик,

Каждый из них был и светел, и звучен.

Встретились дети на тонкой черте,

Где день и ночь сходятся в той темноте.

Свет их смешался, и дрогнуло сердце —

Как же прекрасно, когда мы едины.

Луна и Солнце, взглянув на детей,

Поняли: ссора — лишь призрак теней.

Взяли и встретились, обнялись крепко,

*Стали с тех пор они вместе, не редко.
Теперь на закате и на рассвете*

Шлют друг другу они свои светлые мети.

Дружат они, и ты тоже дружи,

*Нет ничего лучше, чем мир без войны.
Баю-бай, маленький, спи до утра,*

Лунная ночка тепла и добра.

Солнце устало, Луна уж взошла,

Спи, моя звёздочка, кончились дела.

И когда песня затихала, все зверята уже спали, и только Лунный Зайчик и Солнечный Лучик, которые в это время встречались на сумеречной полоске, улыбались друг другу, зная, что они подарили миру самое большое чудо — дружбу.

Наступила глубокая ночь. Луна сияла полным светом, но в её сиянии теперь чувствовалось чуть-чуть золота — это тепло от Солнца, которое она получила во время затмения. Она мягко освещала Лунную Долину, и все жители видели этот нежный, тёплый свет.

— Мама, — прошептал во сне Лунный Зайчик, который уже вернулся к себе на гору, — я так рад, что мы познакомились с Лучиком.

— Я тоже, сынок, — ответила Луна, глядя его по голове. — Ты научил меня главному: нет ничего страшнее, чем гордость, и нет ничего прекраснее, чем уметь прощать.

А Солнце, которое уже скрылось за горизонтом, но ещё посылало свои лучи на землю в виде тёплого ветерка, шептало своему сыну:

— Лучик, мы теперь будем всегда здороваться с Луной. И с тобой, мой золотой.

И все были счастливы.

Но для Совушки Сони день ещё не закончился. Она облетела всю Лунную Долину, проверила, все ли спят, и, убедившись, что каждый зверёныш укрыт одеялом, вернулась на свою ветку. Она смотрела на небо, где теперь, в полной гармонии, сменяли друг друга Луна и Солнце, и думала о том, как удивительно устроен мир.

— Иногда, — прошептала она, — чтобы примирить двух сильных, достаточно одного маленького шага навстречу. И этот шаг могут сделать даже дети.

Она зевнула, спрятала клюв под крыло и заснула, убаюканная собственными мыслями.

А на небе, в это время, Лунный Зайчик и Солнечный Лучик сидели на облаке и смотрели на спящую долину.

— Смотри, — сказал Лучик, показывая на домик Ушастика, — он спит и улыбается. Ему снится, наверное, наш танец.

— Или ему снится, что он тоже может светить, как мы, — улыбнулся Зайчик. — Знаешь, я понял одну вещь.

— Какую?

— Мы не просто светим. Мы дарим надежду. Солнце дарит надежду на новый день, я — на спокойную ночь. А вместе — надежду на то, что даже самая долгая ссора может закончиться миром.

— Именно, — сказал Лучик. — И мы будем всегда помнить об этом.

Они обнялись на прощание, потому что им уже нужно было расходиться: Лучику пора было готовиться к утру, а Зайчику — охранять ночь. Но они знали, что завтра, в сумерках, они снова встретятся.

И так и было. Каждый день, ровно в тот миг, когда Солнце пряталось за горизонтом, а Луна поднималась над ним, на небе появлялся нежный розовый свет — знак того, что два друга встретились.

Зверята в Лунной Долине привыкли к этому и всегда смотрели на закаты с улыбкой.

— Это они, — говорили они. — Лунный Зайчик и Солнечный Лучик. Они снова вместе.

И дети, которые ещё не спали, засыпали с мыслью о том, что дружба возможна между кем угодно, даже между такими разными, как день и ночь.

Вопрос-размышление для малыша:

А у тебя есть друг, который сильно отличается от тебя? Может быть, он любит то, что ты не любишь, или он другого цвета волос, или он живёт далеко? Как вы подружались? Что тебе нравится в нём, хотя он другой? Как у Лунного Зайчика и Солнечного Лучика, у тебя тоже может быть друг, с которым вы вместе делаете мир красивее. Попробуй завтра утром сказать своему другу что-нибудь доброе, как те два светила сказали друг другу в день своей встречи.

Глава 6. Пряничный человечек и Ворчливый Крот

В Лунной Долине, где уже случилось столько чудес, что даже старые пни начали улыбаться, жил-был Пряничный человечек. Звали его Карамелька. И это имя подходило ему идеально, потому что он был весь сладкий — от кончика своей маленькой шоколадной шляпки до самых подошв, которые были сделаны из сахарной глазури.

Карамелька был не просто пряником. Он был особенным. Его испекла самая добрая кондитерша в Лунной Долине — тётушка Пряня, которая жила на краю леса в домике, который всегда пах ванилью и корицей. Тётушка Пряня вложила в него столько любви, что Карамелька ожил. И теперь он ходил, разговаривал и даже пел песенки про сладкие сны.

Но у Карамельки была одна большая мечта. Он хотел подружиться со всеми жителями Лунной Долины. Со всеми до единого. Даже с теми, кто казался недружелюбным, ворчливым и вообще не хотел ни с кем знаться.

А таким существом в Лунной Долине был один Крот по имени Хмурыч.

Хмурыч жил под самым большим холмом на окраине долины. Он никогда не выходил на солнце, никогда не здоровался с соседями и никогда не улыбался. Вернее, говорят, он улыбнулся один раз, когда нашёл особенно жирного червяка, но это было так давно, что никто уже не помнил.

Крот Хмурыч был не просто ворчливым. Он был самым ворчливым существом во всей Лунной Долине. Он ворчал на дождь, потому что он мокрый. Он ворчал на солнце, потому что оно яркое. Он ворчал на ветер, потому что тот шумел. Он ворчал на тишину, потому что она была слишком тихой. Короче говоря, он ворчал на всё, что можно, и на то, что нельзя.

— Фи-фи-фи, — ворчал он, когда утром просыпался. — Опять этот противный свет пробивается в щёлочку. Вечно он тут, вечно он мешает.

— Хр-хр-хр, — ворчал он, когда обедал. — Опять червяки чересчур длинные. Нельзя ли покороче?

— Бр-бр-бр, — ворчал он, когда ложился спать. — И почему земля такая тёплая? Я хочу, чтобы было прохладно. И почему она прохладная? Я хочу, чтобы было тепло. Всё не так, всё не эдак.

Все зверята в Лунной Долине знали о Хмурыче и старались обходить его холм стороной. Даже самые смелые — Ушастик, Рыжик, Лисёнок Огонёк — боялись к нему приближаться. Потому что если ты подходил к его норе, оттуда доносилось такое громкое ворчание, что уши закладывало.

— Не ходи туда, Карамелька, — говорил Ежик Колючка, когда однажды увидел, что Пряничный человечек направляется в сторону холма. — Он тебя съест. Ты же сладкий, а он любит сладкое, хоть и не признаётся.

— Он не съест, — уверенно ответил Карамелька. — Он просто ворчит. А ворчание — это не злость. Это просто привычка. Как у меня — привычка петь песенки. Я хочу с ним подружиться.

— Он не хочет дружить, — покачал головой Ежик. — Он всех гонит. Даже Совушку Соню он прогнал, а она никого не прогоняет.

— А я попробую, — не сдавался Карамелька. — Может быть, он просто не знает, как вкусно, когда с тобой кто-то пьёт чай. Я принесу ему чай и мёд.

И Карамелька, несмотря на все предостережения, отправился к холму. В одной руке он нёс маленькую кружечку с чаем (она была приклеена глазурью, чтобы не упасть), в другой — баночку с душистым липовым мёдом. Его шоколадная шляпка блестела на солнце, а сахарные пуговицы на животике весело поблёскивали.

Он подошёл к холму, на котором была маленькая деревянная дверца. Дверца была закрыта на засов, а сверху висела табличка: «ВХОД ВОСПРЕЩЁН. ДАЖЕ ДЛЯ ХОРОШИХ».

— Какая странная табличка, — сказал Карамелька. — Почему для хороших нельзя? Для плохих можно, что ли?

Он постучал.

Тук-тук-тук.

Из-за двери раздалось сначала молчание, потом громкое сопение, потом — самое страшное ворчание, какое когда-либо слышали в Лунной Долине.

— Кого ещё там принесло? — прогремел голос Крота. — Я сказал — не беспокоить! Я занят! Я ворчу! У меня режим!

— Здравствуйте, уважаемый Крот! — вежливо сказал Карамелька. — Меня зовут Карамелька. Я Пряничный человечек. Я принёс вам чай с мёдом и хочу с вами познакомиться!

Наступила тишина. Крот, видимо, так удивился, что забыл ворчать. Потом дверь приоткрылась на пару сантиметров, и из щели выглянул маленький, чёрный, похожий на бархатный носик.

— Чай? — фыркнул носик. — Мёд? Ты что, издеваешься? Я не пью чай. Я пью воду из-под земли. И вообще, я не люблю сладкое.

— А вы попробуйте, — не унимался Карамелька. — Этот мёд особенный. Его собирают пчёлы, которые живут на Полянке Сладких Снов. Они поют, когда собирают нектар, поэтому мёд получается счастливым.

— Счастливым? — фыркнул Крот, но уже чуть тише. — Какая глупость. Мёд не может быть счастливым. Он просто сладкий.

— Ну, если вы не хотите чай, тогда можно просто поговорить, — предложил Карамелька. — Я могу рассказать вам сказку. Или спеть песенку. Я много знаю песенок.

— Ненавижу песенки, — буркнул Крот. — Они слишком весёлые. А я не люблю весёлое. Карамелька не сдавался. Он был пряником с характером — мягким снаружи, но очень настойчивым внутри.

— А давайте я просто посижу у вашей дверцы, — сказал он. — Я никуда не уйду. Буду сидеть и ждать, пока вы не решите выйти. Я могу ждать долго. Я же пряник, я не порчусь.

И он сел прямо на траву перед дверцей, поставил кружечку с чаем рядом и начал напевать себе под нос что-то тихое и мелодичное.

— Что ты там бормочешь? — спросил Крот через минуту.

— Это колыбельная, — ответил Карамелька. — Про луну и звёзды. Хотите, я спою её полностью?

— Нет, не хочу, — отрезал Крот, но дверь приоткрылась ещё чуть-чуть, и чёрный носик высунулся наружу.

Карамелька начал петь. Голос у него был высоким, чистым, как карамельный колокольчик:

— *Лунная ночка, звёздный народ,*

Кротик Хмурьч, выйди вперёд.

Земля под тобой тебя ждёт,

Солнышко село, и мир засыпает,

Даже ворчалка твоя затихает.

Крот слушал. Сначала он хмурился и фыркал, но потом его носик начал подёргиваться в такт мелодии.

— Это что за ерунда? — проворчал он, но в голосе уже не было прежней злости. — Зачем мне выходить? Мне и тут хорошо.

— А вы хоть раз видели звёзды? — спросил Карамелька. — Настоящие звёзды, с неба?

— Я их вижу в щёлочку, — буркнул Крот. — Они мелкие и противные. И слишком яркие.

— Нет, — покачал головой Карамелька. — Вы их не видели. Вы видели просто точки. А если выйти и лечь на траву, они становятся огромными и начинают шептать. Каждая звезда шепчет своё имя. И если послушать, можно услышать, как они разговаривают. Это очень красиво.

— Зачем мне красиво? — проворчал Крот, но его носик уже почти полностью высунулся из-за двери. — У меня под землёй красиво. Там темно и тихо. И никто не поёт.

— Но там же душно, — сказал Карамелька. — А здесь свежий ветер, запах травы и мёда. И ещё здесь есть я. Я пришёл с вами дружить.

— Дружить? — фыркнул Крот. — И зачем мне дружить? У меня нет друзей. И не было никогда. Друзья только мешают. Они приходят, что-то говорят, смеются, а потом уходят. А я остаюсь один. Так что не надо мне друзей.

Карамелька вдруг понял, что Крот говорит не просто так. За его ворчанием и грубостью скрывается что-то важное. Что-то, что он прятал очень глубоко под землёй, так же глубоко, как свою нору.

— А почему у вас не было друзей? — мягко спросил он.

Крот молчал. Дверь качнулась. Потом послышался тяжёлый вздох.

— Потому что я смешной, — наконец сказал Крот. — У меня маленькие лапки, я ничего не вижу на свету, я вечно тыкаюсь носом во всё подряд. Когда я был маленьким, другие зверята смеялись надо мной. Называли меня «крот-слепыш» и «носатый копуша». Я ушёл под землю и решил, что не буду ни с кем разговаривать. Буду ворчать, и они отстанут.

У Карамельки сжалось сердце. Он знал, что такое, когда над тобой смеются. Когда ты не такой, как все. Он тоже был пряником, а не живым зверьком. Некоторые думали, что он просто еда.

— Меня тоже дразнили, — тихо сказал Карамелька. — Говорили, что я слишком сладкий и что меня должны съесть. Но я не обижался. Я просто пел песенки. И они перестали. Потому что песенки делают мир добрее.

Крот высунул голову полностью. У него были смешные чёрные усики, маленькие глазки-бусинки и большие передние лапки с коготками. Он выглядел не страшным, а очень-очень забавным и, если честно, немного жалким.

— И что, тебя никто не съел? — спросил он.

— Нет, — засмеялся Карамелька. — Меня никто не съел. Потому что я не просто сладкий, я ещё и дружелюбный. А друзей не едят.

Крот задумался. Он медленно перешагнул через порог (что было для него большим событием, потому что он не выходил из норы уже пять лет) и сел рядом с Карамелькой на траву.

— А этот чай ты правда принёс? — спросил он.

— Правда! — обрадовался Карамелька. — И мёд. Давайте пить!

Он налил чай, добавил мёду (ложечка была тоже пряничная, сахарная), и протянул кружечку Кроту. Крот взял её своими большими лапами, поднёс к носу и понюхал.

— Пахнет... — начал было он, — ...приятно. Это необычно. У меня в норе всегда пахнет землёй и червяками.

— А это пахнет цветами и счастьем, — улыбнулся Карамелька.

Крот отхлебнул. Его глазки-бусинки расширились. Он отхлебнул ещё раз. И ещё. И вдруг его усики дрогнули, и на его мордочке появилось нечто невероятное. Это было похоже на улыбку. Кривую, неловкую, такую, какая бывает у тех, кто не улыбался очень-очень долго, но это была именно улыбка.

— Вкусно, — сказал Крот и сам удивился тому, как мягко прозвучал его голос.

— Видите! — закричал Карамелька. — Я знал, что вам понравится!

Они сидели на траве, пили чай и смотрели, как солнце постепенно садится за горизонт. Крот сначала часто щурился, потому что его глаза привыкли к темноте, но потом они привыкли, и он начал различать цвета, оттенки и даже облака.

— А они всегда такие пушистые? — спросил он, показывая на небо.

— Всегда, — кивнул Карамелька. — Каждое облако — как маленькая подушечка для неба. Они плавают и иногда проливаются дождиком.

— Дождик... — задумчиво произнёс Крот. — Я слышал его сверху, когда сидел под землёй. Он стучал по крыше. Я думал, это кто-то злой стучит. А оказывается, это просто капли.

— Они не злые, — сказал Карамелька. — Они просто хотят напоить землю и поиграть с листочками. Как дети.

Крот посмотрел на Пряничного человечка. В его маленьком сердце, которое казалось таким же чёрствым, как сухая земля, начало появляться что-то новое. Он не знал, что это такое. Это было похоже на тёплое облачко внутри.

— А можно я... — начал он и запнулся. — Можно я попробую завтра снова выйти?

— Конечно! — закричал Карамелька. — Я приду за вами! Мы будем пить чай каждый день! А если вы захотите, мы можем позвать других зверят. Они хорошие, они не будут смеяться. Я им расскажу, какой вы на самом деле.

— А какой я на самом деле? — спросил Крот.

— Добрый, — сказал Карамелька. — Просто вы долго это прятали. Но теперь вы вышли, и доброта обязательно покажется.

Наступила ночь. На небе зажглись звёзды. Крот поднял голову и впервые увидел их во всей красе. Они мерцали, как крошечные фонарики, и ему показалось, что они подмигивают ему.

— Они красивые, — прошептал он. — Прямо как ты сказал. Красивые и большие, если смотреть снизу.

— Видите? — радостно сказал Карамелька. — Я же говорил!

И тут из-за дуба появилась Совушка Соня. Она уже слышала о том, что Карамелька пошёл к Кроту, и решила проверить, не случилось ли чего. Но увидев двух друзей, сидящих на траве, она улыбнулась.

— О, да у нас новости! — сказала она. — Крот Хмурыч наконец-то вышел из норы. И даже пьёт чай с мёдом!

— Я теперь буду выходить, — сказал Крот, и в его голосе не было и тени ворчания. — Карамелька объяснил мне, что это не страшно.

— Выходить не страшно, — подтвердила Соня. — Но тебе нужно привыкнуть к свету постепенно. Давай договоримся: ты будешь выходить по вечерам, когда солнце садится. Свет мягкий, и глаза не болят. А когда привыкнешь, будешь выходить и утром. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул Крот. — Я согласен.

Он взял кружечку, отпил ещё немного чая и посмотрел на Карамельку. В его маленьких глазках-бусинках стояли слёзы.

— Ты первый, кто пришёл ко мне, — сказал он. — Не испугался, не убежал. Ты просто сидел и ждал. И пел. Зачем ты это сделал?

— Потому что я тоже знаю, что такое быть одиноким, — ответил Карамелька. — Когда я только что был испечён, я лежал на окошке, и все проходили мимо. Думали, что я просто печенье. Но одна девочка взяла меня в руки, и я понял: нужно, чтобы кто-то тебя заметил. Я заметил вас, Крот Хмурыч. И я рад, что мы теперь друзья.

Крот заплакал. Сначала тихо, потом громче. Он плакал в первый раз за много лет, и это были слёзы облегчения, слёзы радости, слёзы, которые смывают всю старую боль.

— Плачь, плачь, — сказала Совушка Соня. — Слёзы очищают душу. А потом мы будем смеяться.

Они сидели втроём до глубокой ночи. Карамелька пел песенки. Крот учился смотреть на звёзды и не шуриться. А Совушка Соня рассказывала им истории о том, как она летала по долине и видела всякие чудеса.

Наконец Крот зевнул. Это был первый зевок, который он издал не от скуки, а от усталости и спокойствия.

— Я, наверное, пойду в нору, — сказал он. — Но завтра я обязательно выйду. В это же время. Ты придёшь, Карамелька?

— Приду, — пообещал Пряничный человечек. — И принесу ещё мёда. И, может быть, позову Ежика Колючку. Он тоже хороший.

— Зови, — кивнул Крот. — Я буду рад.

Он медленно, с явной неохотой, но всё же спустился обратно в нору. Но на этот раз он не задвинул засов. Он оставил дверь приоткрытой. Это был его маленький жест дружбы — знак того, что он теперь открыт миру.

А Карамелька и Совушка Соня остались на холме.

— Ты сделал великое дело, — сказала Соня. — Ты растопил его сердце. Я знала, что оно было не злым, просто замёрзшим. Но ты принёс ему тепло.

— Я просто пришёл и спел песенку, — скромно сказал Карамелька. — И чай.

— Иногда этого достаточно, — улыбнулась Сова. — Одно доброе слово, один шаг навстречу. И мир становится лучше.

Она взлетела на ветку и начала свою вечернюю колыбельную, которую пела каждый вечер для всех жителей Лунной Долины. Но в этот раз она спела специальную песенку — для Крота Хмурыча, чтобы ему снились хорошие сны:

— *Кротик, кротик, спи в норе,*

Ты теперь не в темноте.

Свет луны к тебе придёт,

Пряничек тебя найдёт.

Ворчание твоё ушло,

В сердце радость зацвело.

Ты не злой и не колючий,

Ты как маленький, певучий.

Дверь открыта, не закрыта,

Дружба к нам теперь открыта.

Спи, Хмурыч, сладко-сладко,

Завтра встретимся украдкой.

Баю-бай, мой крот-другок,

Спи, усни на холодок.

Теплота внутри тебя,

Ты теперь как я, как я.

Крот слушал колыбельную из своей норы. Он лежал на своей мягкой подстилке и улыбался в темноте. У него сегодня был лучший день в жизни. Он нашёл друга.

И он знал, что завтрашний день будет ещё лучше.

А Карамелька, довольный и счастливый, пошёл домой к тётушке Пряне. По дороге он встретил Ежика Колючку, который смотрел на него с удивлением.

— Ты жив? — спросил Ежик. — Тебя не съели?

— Нет, — засмеялся Карамелька. — Мы пили чай. И подружился. Крот Хмурыч оказался очень добрым. Просто ему нужно было время, чтобы это показать.

— Ничего себе, — покачал головой Колючка. — Ты совершил чудо. Я не знаю никого, кто смог бы подружиться с Хмурычем.

— А теперь знаешь, — сказал Карамелька. — И завтра ты тоже можешь прийти к нему в гости. Он будет рад.

— Правда?

— Правда. Он сказал: «Зови».

Ежик улыбнулся и почесал голову. Он не мог поверить, что старый ворчливый Крот сказал такие слова. Но он поверил Карамельке, потому что Пряничный человечек никогда не врал.

И когда все разошлись по домам, Лунная Долина затихла. Только ветер шептал о том, как сегодня случилось ещё одно маленькое чудо: одинокое сердце оттаяло и выпустило в себя доброту.

А на холме, где жил Крот, дверца всё так же была приоткрыта. И в щёлочку пробивался лунный свет — первый свет, который Крот впустил в свою жизнь за много лет.

Совушка Соня сидела на дубе и смотрела на это.

— Всё правильно, — прошептала она. — Каждому нужно знать, что он не один. И даже самое громкое ворчание может стать тихой колыбельной, если к нему прислушаться с добротой.

Она зевнула, спрятала клюв под крыло и закрыла глаза. Сегодня был хороший день.

А завтра будет ещё лучше.

Вопрос-размышление для малыша:

Ты когда-нибудь встречал человека или зверёнка, который казался злым и ворчливым, но потом оказался добрым? Что помогло тебе это увидеть? Может быть, ты сказал ему что-то доброе, или просто посидел рядом, как Карамелька? Помни: иногда за ворчанием прячется самое обычное одиночество. И одно твоё доброе слово может растопить сердце. Попробуй завтра улыбнуться тому, кто всегда хмурится. Может быть, он улыбнётся в ответ?

Глава 7. Самая лучшая кровать

В Лунной Долине, где всё уже научились дружить и не бояться темноты, жил маленький Бельчонок по имени Рыжик. Он был шустрым, весёлым и очень любопытным. Шубка у него была ярко-рыжая, как осенний лист, а хвост — пушистый и огромный, как целый веник для сметания звёздной пыли.

Рыжик жил в дупле старого дуба вместе с мамой Белкой. Дупло было уютным, тёплым и пахло орешками и сухими листьями. Но была у Рыжика одна маленькая, но очень навязчивая мысль, которая не давала ему покоя. Мысль эта касалась его кровати.

Дело в том, что у Рыжика была самая обычная беличья кровать — гамачок, сплетённый из гибких веточек и мягко укачивающий его каждую ночь. Мама Белка сделала этот гамачок своими лапками, подложила туда пуховую подушечку из одуванчиков и укрыла одеяльцем из листьев клёна. Всё было хорошо, но Рыжику казалось, что это не так здорово, как у других.

Однажды он пошёл в гости к своему другу Лисёнку Огоньку и увидел его кровать. Это было нечто! У Лисёнка была не просто кровать, а целый дворец для сна. Она была сделана из толстых прутьев, обтянута мягкой тканью, и над ней висел балдахин — кружевной, воздушный, как паутинка. А ещё у кровати были маленькие ножки, которые делали её похожей на трон.

— Вот это да! — выдохнул Рыжик, разинув рот. — У тебя самая красивая кровать в мире! И балдахин! И покрывало с кисточками! Как тебе так повезло?

Лисёнок гордо выпятил грудь.

— Это мне папа принёс из дальнего леса, — сказал он. — Он сказал, что это кровать для настоящего принца. И теперь я сплю как принц. Знаешь, как классно, когда балдахин колыхается над головой? Как будто ты под облаком!

Рыжик посмотрел на свою собственную кровать, когда вернулся домой. Она показалась ему убогой и скучной. Просто гамачок из веток. Никакого балдахина, никаких кисточек, никаких ножек. Просто висит, и всё.

— Мама, — спросил он, — а почему у меня нет такой красивой кровати, как у Лисёнка?

— Потому что мы белки, а не лисы, — спокойно ответила мама, которая как раз чистила орешки. — Мы живём в дупле, нам нужен гамачок, чтобы он качался и не занимал много места. Твоя кровать очень удобная.

— Но она некрасивая! — надулся Рыжик. — У Лисёнка — балдахин, а у меня — просто ветки! Я хочу такую же!

— Дорогой, — вздохнула мама, — у каждого свой дом. И своя кровать. У лис — норы, у нас — дупла. Мы не можем поставить большую кровать в дупло, она просто не поместится. И потом, твой гамачок сделан с любовью. Я плела его целую неделю.

— Но я хочу балдахин! — капризничал Рыжик. — Я тоже хочу быть принцем!

Мама ничего не сказала, только грустно покачала головой.

На следующий день Рыжик снова пошёл к Лисёнку и попросился переночевать у него.

— Можно я посплю в твоей кровати? — спросил он. — Хотя бы одну ночь? Я хочу почувствовать себя принцем.

Лисёнок сначала удивился, но потом согласился, потому что он был добрым.

— Ладно, — сказал он. — Ложись. Только не сломай балдахин, он хрупкий.

Рыжик с восторгом забрался в кровать. Это было так здорово! Он лежал на мягких подушках, над ним колыхался кружевной балдахин, а кисточки на покрывале весело подпрыгивали при каждом его движении.

— Ой, как классно! — закричал он. — Я теперь как настоящий принц!

Но прошло полчаса, и он начал чувствовать что-то неладное. Кровать была слишком большой. Он, маленький бельчонок, терялся в этом огромном ложе, как орешек в мешке.

Подушки были слишком мягкими, так что он проваливался в них и не мог выбраться. А балдахин, который сначала казался таким красивым, вдруг начал его раздражать: он всё время колыхался и шевелился, и Рыжику казалось, что над ним кто-то стоит.

— Лисёнок, — позвал он. — А можно сделать балдахин потише? Он шевелится.

— Так он же кружевной, — ответил Лисёнок из своего угла. — Он от ветра шевелится. Не обращай внимания.

Но Рыжик не мог не обращать внимания. Ему казалось, что балдахин сейчас упадёт ему на голову и задушит. И ещё ему было холодно. В дупле у мамы всегда было тепло, потому что мама накрывала его одеяльцем из кленовых листьев и сама грела его своим бочком. А здесь, в лисьей норе, было прохладно и сыро, и покрывало с кисточками не грело совсем.

Рыжик ворочался с боку на бок. Он пытался уснуть, но его одолевали мысли. Ему не хватало запаха мамы. Не хватало тихого поскрипывания гамачка, которое убаюкивало его каждую ночь. Не хватало того, как ветер качал дупло, и оно пело свою колыбельную.

— Лисёнок, — снова позвал он, — а можно я пойду домой?

— Но ты же хотел переночевать! — удивился Лисёнок. — Ты же хотел быть принцем!

— Я уже побыл, — сказал Рыжик, и в голосе его послышались слёзы. — Спасибо, но я хочу к маме.

Он вылез из кровати, надел свой маленький жилетик и пошёл домой. Ночь была тёмной, и он немного боялся, но его вело желание поскорее оказаться в родном дупле.

Когда он добрался до дуба, мама уже спала. Но Рыжик тихонько протиснулся внутрь, забрался в свой гамачок и... о чудо! Он сразу почувствовал, как ему стало хорошо. Гамачок покачивался ровно и мягко, как в гавани. Он был его размера — не слишком большим и не слишком маленьким. Подушка пахла мамой, а одеяльце, хоть и было из простых кленовых листьев, грело лучше любого балдахина.

— Мама, — прошептал Рыжик. — Ты спишь?

— Сплю, — ответила мама, хотя она уже проснулась, когда он вошёл. — Ты вернулся. Я знала, что ты вернёшься.

— Ты знала? — удивился Рыжик.

— Конечно, — сказала мама. — Потому что твоя кровать — самая лучшая для тебя. Ты просто не знал этого раньше. Но теперь ты знаешь.

Рыжик прижался к маминому тёплому боку и закрыл глаза. Ему больше не нужно было никакого балдахина. Самое главное — это мама рядом, и гамачок, который качает его в ритме её сердца.

— Мама, — прошептал он, уже проваливаясь в сон, — ты прости меня, что я был таким капризным. Твоя кровать самая лучшая. Потому что она моя.

— И потому что в ней есть моя любовь, — добавила мама и поцеловала его в макушку.

— И это главное, — пробормотал Рыжик.

И он уснул. Впервые за долгое время он уснул по-настоящему сладко и спокойно. Ему снился сон, в котором он летел над Лунной Долиной на своём гамачке, и это было так здорово, что он улыбался во сне.

Утром он проснулся свежим и отдохнувшим. Он посмотрел на свой гамачок и увидел его по-новому. Он больше не казался ему убогим. Наоборот, он казался ему уютным, родным и единственным в мире.

— Мама, — сказал он, — а давай я сегодня помогу тебе почистить орешки? И ещё я хочу сделать твою подушку мягче.

— Это было бы чудесно, — улыбнулась мама.

И они провели весь день вместе. Рыжик собирал свежие одуванчики для подушки, чистил орехи, а вечером, когда солнце садилось, он лёг в свой гамачок и почувствовал, что он — самый счастливый бельчонок на свете.

И тогда в комнату, как обычно, заглянула Совушка Соня.

— Я слышала, у тебя были приключения, — сказала она, усевшись на край дупла. — Ты даже ночевал у Лисёнка.

— Да, — засмеялся Рыжик. — Но я понял, что моя кроватка лучше. Потому что она моя и мамина.

— А знаешь, почему она лучше? — спросила Соня.

— Потому что она пахнет мамой, — сказал Рыжик.

— Верно, — кивнула Сова. — Но ещё потому, что ты в ней родился, вырос, и она хранит твои сны. Каждый раз, когда ты ложишься в неё, она запоминает твой запах, твои секреты и твои улыбки. Кроватка — это не просто мебель. Это твой маленький мир. И он самый правильный для тебя.

Рыжик задумался. Ему вдруг стало так тепло на душе, что он даже не заметил, как по его щеке скатилась слезинка — слезинка благодарности.

— Спасибо, Соня, — сказал он. — Я больше никогда не буду завидовать чужим кроваткам. Моя — самая лучшая.

— Вот и молодец, — сказала Соня. — А теперь спи. Завтра у тебя будет новый день, и он принесёт много радости.

И она запела свою колыбельную. Но в этот раз она пела специально для Рыжика, для его гамачка и для маминой любви:

— Спи, мой бельчонок, в гамачке своём,

В мягком и тёплом, родном, дорогом.

Не нужен балдахин, не нужен трон,

Где мама, там сердце, и сладок твой сон.

Гамачок качает тихо-тихо,

В нём пахнет орешками и молоком.

Ты не принц, но ты — моя радость,

Спи, мой Рыжик, под маминым крылом.

Звёзды на небе — это лампы,

Ветер поёт тебе баллады.

Кроватка твоя — твой уютный причал,

Ты в ней по жизни, как в сказке, начал.

Спи, бельчонок, сладко-сладко,

Утром будет шоколадка,

Но сначала — сон и тишина,

Где мамина рука видна.

Песня разливалась по дуплу, и Рыжик засыпал, чувствуя себя в полной безопасности. Он знал, что его кровать — это не просто ветки и листья. Это целый корабль, на котором он плывёт по морю снов, а мама — его самый верный капитан.

На следующее утро он проснулся с твёрдым решением: он никогда больше не будет завидовать ничьим кроваткам. Более того, он решил пригласить Лисёнка к себе в гости, чтобы показать ему свой гамачок.

— Приходи сегодня вечером, — сказал он Лисёнку. — Я хочу, чтобы ты увидел мою кровать. Она, может быть, и не такая красивая, как твоя, но в ней я чувствую себя самым счастливым бельчком в мире.

Лисёнок пришёл. Он залез в дупло, осмотрел гамачок и удивился:

— Он такой маленький и простой, — сказал он. — Но он очень уютный. Как в гнезде.

— Попробуй, — предложил Рыжик.

Лисёнок осторожно забрался в гамачок и лёг. Через минуту он сказал:

— Знаешь, здесь очень хорошо. Он качается сам, как будто кто-то тебя гладит. И пахнет так вкусно — орехами и мамой. Мне тоже нравится.

— Вот видишь! — обрадовался Рыжик. — У каждого своё. У тебя — балдахин, у меня — гамачок. Главное, чтобы было, где спать и чтобы тебя любили.

Лисёнок кивнул.

— Пойдём завтра собирать шишки вместе? — предложил он.

— Пойдём! — согласился Рыжик.

И они обнялись как настоящие друзья.

Вечером мама Белка была счастлива. Её сын наконец понял главное: не вещи делают дом, а любовь.

— Ты у меня такой взрослый, — сказала она, глядя его по голове. — Я горжусь тобой, мой Рыжик.

— Мама, — сказал он, — спасибо тебе за мою кровать. За то, что ты сделала её своими лапками. Теперь я знаю, что в каждой веточке — твоя забота. И когда я сплю в ней, я сплю в твоих объятиях.

У мамы на глаза навернулись слёзы. Она поцеловала сына в лобик и укрыла его одеяльцем.

— Спи, мой маленький герой, — прошептала она. — Завтра будет новый день, и он будет тёплым, как наша любовь.

Рыжик уснул. И во сне он снова летал, но теперь он знал, что его гамачок — это не просто кровать, это его маленький мир, где он всегда будет в безопасности.

А Совушка Соня, пролетая мимо дупла, заглянула в щёлочку и увидела спящего бельчка с улыбкой на мордочке.

— Ну вот, — сказала она самой себе. — Ещё одно сердце поняло, что счастье не в вещах, а в любви. Теперь он вырос.

Она тихонько улетела, чтобы проверить остальных зверят. Все спали крепко и сладко. И все знали, что их кровати — самые лучшие.

А знаешь почему?

Потому что каждая кровать была сделана с любовью. И это было главным.

Вопрос-размышление для малыша:

У тебя есть своя кровать? Какая она? Что тебе в ней нравится больше всего — может быть, она мягкая, или на ней нарисованы звёзды, или в ней пахнет домом? Как ты думаешь, что делает кровать особенной? Конечно, любовь тех, кто её для тебя приготовил! Помни: самая лучшая кровать — та, в которой ты чувствуешь себя в безопасности, потому что там тебя любят.

Глава 8. Волшебное слово Ежа

В Лунной Долине, где все уже привыкли к тому, что чудеса случаются каждый день, жил-был Ежик Колючка. Вы, наверное, помните его по истории о том, как он полюбил свои колючки и научился помогать друзьям. С тех пор Колючка стал настоящим героем: он носил тыквы, собирал шишки, помогал Полевке Миле с листьями и даже научился обниматься бочком, не уколов никого.

Но была у Колючки одна маленькая слабость. Он очень любил игрушки. Не простые, а заводные, музыкальные, с блестящими колёсиками и яркими красками. И однажды он увидел в лавке старого Барсука самую чудесную игрушку в мире — маленький паровозик, который сам ездил по рельсам, пыхтел и даже свистел настоящим свистком.

— Мама! — закричал Колючка, когда они проходили мимо лавки. — Смотри! Какой паровозик! Он как настоящий! Он даже дым выпускает!

Мама-Ежиха посмотрела на паровозик, потом на ценник и вздохнула.

— Дорогой, — сказала она, — это очень красивая игрушка. Но она стоит много орехов. Мы не можем её купить прямо сейчас. Надо подкопить.

— Но я хочу его сейчас! — захныкал Колючка. — Я хочу, чтобы у меня был паровозик! Я хочу играть с ним!

— Мы купим его, когда наберём достаточно орехов, — терпеливо сказала мама. — Через месяц, может быть.

— Я не хочу через месяц! — закапризничал Колючка. — Я хочу сейчас! Дай мне орехов! Я сам куплю!

Он выхватил у мамы сумку с орехами, которая была припасена на зиму, и побежал к прилавку.

— Дайте мне паровозик! — крикнул он Барсуку. — Вот орехи! Берите!

Барсук посмотрел на него поверх очков.

— А ты не забыл ничего сказать? — спросил он вежливо.

— Что сказать? — нахмурился Колючка. — Я сказал: дайте мне паровозик!

— А как насчёт «пожалуйста»? — спросил Барсук. — Или «спасибо»? Такие слова очень помогают в торговле.

— Какие ещё «пожалуйста»? — фыркнул Колючка. — Я плачу орехами! Вот они! Берите и давайте игрушку!

Барсук вздохнул и покачал головой.

— Извини, Ежик, — сказал он. — Я не могу продать тебе паровозик. Ты забыл самые важные слова. Приходи, когда вспомнишь.

И он убрал паровозик с прилавка.

Колючка был в ярости. Он топнул лапкой (аккуратно, чтобы не уколоться) и закричал:

— Это нечестно! Я принёс орехи! Я хочу игрушку! Барсук — жадина!

Он выбежал из лавки и побежал в лес, ничего не видя вокруг от обиды. Он бежал и бежал, пока не уткнулся в большой пень, на котором сидел Старый Филин. Филин был самым мудрым существом в Лунной Долине после Совушки Сони, и он знал почти всё на свете.

— Ого, — сказал Филин, когда Колючка плюхнулся рядом с ним, тяжело дыша. — Кто это у нас такой сердитый? Весь на иголках, и не только снаружи, но и внутри, я так понимаю.

— Я не сердитый! — выпалил Колючка. — Я просто... я хотел купить паровозик, а Барсук не продал! Он сказал, что я забыл сказать «пожалуйста»! Какая ерунда!

— Ерунда? — Филин приподнял свои мохнатые брови. — Ты думаешь, что «пожалуйста» — это ерунда?

— Ну да! — сказал Колючка. — Это просто слово! Что оно меняет?

— А ты попробуй, — сказал Филин. — Попробуй сказать «пожалуйста» и посмотреть, что изменится. Но не мне, а кому-нибудь другому. Я дам тебе задание: найди трёх разных зверят и скажи им «пожалуйста» и «спасибо». И посмотри, что будет. А потом возвращайся и расскажи мне.

— Зачем? — буркнул Колючка.

— Затем, что в этих словах скрыта магия, — таинственно сказал Филин. — Они как ключики. Открывают двери, которые на вид заперты. А если ты не веришь, проверь сам.

Колючка не хотел ничего проверять. Он хотел свой паровозик. Но Филин посмотрел на него так строго, что Ежик не посмел спорить.

— Ладно, — сказал он. — Я попробую. Но это глупость.

Он пошёл по тропинке и первым встретил Бельчонка Рыжика. Рыжик сидел на ветке и ел орешек.

— Рыжик! — крикнул Колючка. — Дай мне орешек!

Рыжик посмотрел на него, подумал и сказал:

— А не забыл ли ты чего? Как у нас говорят вежливые зверята?

Колючка покраснел. Он вспомнил задание Филина.

— Ну... — пробормотал он. — Дай мне орешек, пожалуйста.

Рыжик улыбнулся.

— Конечно, — сказал он и бросил Ежику самый большой орех. — Держи! И на здоровье!

Колючка поймал орех и чуть не уронил его от удивления.

— Спасибо! — вырвалось у него само собой.

— Пожалуйста! — ответил Рыжик и подмигнул.

«Хм, — подумал Колючка. — Он отдал орех просто потому, что я сказал „пожалуйста“? Странно».

Он пошёл дальше и встретил Зайчонка Ушастика. Ушастик нёс корзинку с морковкой.

— Ушастик, — сказал Колючка, вспомнив про задание, — можно мне одну морковку, пожалуйста?

Ушастик остановился и посмотрел на него с удивлением.

— Ой, Колючка, — сказал он. — Ты первый раз так вежливо просишь! Конечно, бери!

Вот, самую красивую!

И он протянул Ежику морковку — большую, хрустящую, с зелёным хвостиком.

— Спасибо! — сказал Колючка, чувствуя, как внутри него разливается что-то тёплое.

— На здоровье! — улыбнулся Ушастик. — И передавай привет маме!

Колючка пошёл дальше. Он уже начал думать, что Филин, возможно, был прав. Эти слова работали как по волшебству. Теперь ему оставалось найти третьего зверя. И он встретил Лисёнка Огонька.

Лисёнок сидел на полянке и собирал ягоды в лукошко.

— Огонёк, — сказал Колючка, — можно мне немножко ягод, пожалуйста?

Лисёнок сначала хитро прищурился, потому что он любил подшучивать, но, услышав слово «пожалуйста», улыбнулся.

— Ого, — сказал он. — Колючка знает вежливые слова! Это новость! Конечно, бери, сколько хочешь! Только не уколись об мои ягодки, они колючие только снаружи, а внутри сладкие.

Колючка взял горсть ягод. Они были сочные, красные и пахли летом.

— Спасибо огромное! — сказал он от всей души.

— Пожалуйста, друг! — ответил Лисёнок и похлопал Ежика по плечу (осторожно, чтобы не наткнуться на иголки).

Колючка побрёл обратно к пню, где его ждал Филин. Он был задумчивым. В его лапках были орех, морковка и ягоды. И все они были даны ему просто так, за одно лишь доброе слово.

— Ну что? — спросил Филин, когда Ежик подошёл. — Понял что-нибудь?

— Понял, — сказал Колючка. — Когда я говорил «пожалуйста», зверята становились добрее. Они отдавали мне свои запасы, даже не торгуясь.

— А когда ты говорил «спасибо», что происходило?

— Они улыбались, — сказал Колючка. — Им было приятно. И мне тоже было приятно. Как будто мы оба получили подарок.

— Именно, — кивнул Филин. — «Пожалуйста» — это ключик, который открывает сердце другого. Ты просишь вежливо, и тебе не отказывают. А «спасибо» — это замочек, который закрывает дружбу. Ты благодаришь, и человек видит, что его доброта не прошла даром.

Колючка посмотрел на свои подарки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.